

Борис Руденко

На бильярде играют в одиночку

1990

Во дворе ждал Ярик. Он сидел на скамейке возле песочницы, аккуратно поддернув отглаженные брючки в крупную клетку. Вокруг копошилась и галдела малышня. Ярик наблюдал за ней с благосклонным интересом и казался полностью поглощенным этим занятием, но Пашку заметил сразу же, едва тот появился из-за угла.

Внутри у Пашки что-то дрогнуло, он сбился с шага, но тут же взял себя в руки, изобразив на лице нечто вроде радостной улыбки. И Ярик улыбнулся в ответ.

– Ты куда пропал, сынок? – слово "сынок" Ярик произносил не насмешливо, а как бы с искренней заботой, хотя едва ли был старше Пашки более чем на два года.

– Я не пропал, – быстро возразил Пашка. – Тренировки у нас часто... и экзамены вот-вот начнутся.

– Тренировки, да-а, – задумчиво и протяжно повторил Ярик. – Нехорошо так пропадать. Может, ты спрятаться решил?

И снова волна страха накатила на Пашку. Он ничего не мог с собой поделать.

– Зачем мне прятаться? – попытался он искренне удивиться. – Какой смысл?

– Смысл? – снова повторил за ним Ярик. – Тебе Леха говорил, чтобы ты к "аквариуму" подошел?

– Ну, говорил...

– Вот видишь! – в голосе Ярика звучала укоризна. – А ты не пришел.

– Я же объяснил Лехе. Тренировка ведь...

– Это все не в кассу, сынок. Ты вчера нам выступление сорвал. Вартан на тебя очень обиделся. Просто так звать не будут, ты же знаешь, – Ярик сощурил слегка выпуклые голубые глаза. – Может, ты и вправду отвалить решил? Странно ты себя ведешь в последнее время. Так ты скажи. А мы обсудим. А то Вартан обижается...

Сердце у Пашки отчаянно заколотилось.

– Почему отвалить? Почему обязательно отвалить? Я же объясняю, Ярик, не мог, ну!..

Некоторое время Ярик любовался достигнутым эффектом, потом резко встал.

– Ладно, бог с тобой. Выступление перенесено на сегодня. Учти: из-за тебя. Пошли!

– Пашка чувствовал себя невыносимо, но деваться было некуда.

– Я... только сумку... Сумку домой закинуть надо. Куда с сумкой-то...

– Сумку? Давай, – разрешил Ярик, снова расслабленно опускаясь на скамейку. – Только быстро!

Клиентов было двое. Один – тощий и голенастый, как кузнечик, в тесном джинсовом костюмчике, пасса у дверей комиссионки, высматривая и подбирая покупателей. Другой – наоборот, гладенький, с круглой головой и пухлыми губами, похожий на отличника-переростка, с большой сумкой в руках скромно стоял на уголке и даже не смотрел в сторону толкучки. Через какое-то время "кузнечик" вынырнул из толпы с покупателем – веснушчатый пареньком явно не городского вида. Азартно объясняя что-то на ходу, "кузнечик" повел покупателя от комиссионки. Подождав немного, "отличник" вперевалочку двинулся следом и догнал удаляющуюся пару лишь у самой арки. Они еще постояли несколько минут, озираясь по сторонам, прежде чем скрыться во дворе.

– Пошли! – скомандовал Ярик и быстрым шагом пошел через улицу.

Леха и Аким за ним. Пашка чуть приотстал, ему было гадко и боязно.

Двор за аркой был пуст. Ярик на секунду задумался, а потом решительно рванул

дверь ближайшего подъезда. Те трое деловито суетились в тусклом свете запыленного окошка. Веснушчатый покупатель потряхивал в руках новенькие джинсы, готовясь к примерке. На хлопанье двери все они повернулись и замерли в нерешительности. Ярик подошел вплотную к "отличнику".

– Я тебя предупреждал, козел? – спросил он тем вкрадчивым тоном, которого Пашка всегда боялся. И тут же, не дожидаясь ответа, лениво ткнул кулаком в испуганное толстое лицо.

Пашка увидел, как крупными брызгами разлетелась кровь – на руке у Ярика был кастет. "Отличник" тоненько вскрикнул, и Ярик ударил еще раз, злее и жестче.

"Отличник" упал. Леха уже держал "кузнечика" за отвороты джинсовой курточки и, придыхая, деловито бил коленом в низ живота.

– Ребята, вы чего! – в ужасе бормотал веснушчатый покупатель, пытаясь протиснуться между Пашкой и Акимом к выходу.

"Кузнечик" тоже свалился на грязный пол. Леха распаленно добивал его ногами, целясь в лицо, но Ярик его отдернул.

– Хватит! – приказал он, и Леха послушно шагнул в сторону.

Оправляя на руке кастет, Ярик повернулся к покупателю.

– Ты не бойся, чего трясешься? – сказал он совершенно по-дружески. – Это наши дела. Ты бабки им отдал? Нет? Это точно? Да не дрожи ты!

Ярик поднял с пола джинсы и сунул покупателю в руки.

– Не надо, – отказывался тот, и Ярику это не понравилось.

– Бери! Тебе что, тоже объяснять надо? Сколько они с тебя хотели слупить?

– Сто восемьдесят.

– Давай сюда полторы сотни. И иди спокойно, не дергайся. Ты меня понял? Стой! Вместе выйдем, Леха, заberi у клиентов остальной товар.

Пока Леха вытряхивал сумку "отличника" и очищал его карманы, Ярик счел возможным провести воспитательную беседу.

– Ну что, вонючки, теперь доехало? Предупреждаю; в следующий раз, если без спроса сюда сунетесь, ходить уже не будете. Унесут.

На площадке щелкнул замок, молодая женщина в халатике вышла из квартиры, увидела ворочающиеся на полу тела, пятна крови на ступенях, охнула и мгновенно скрылась. Ярик довольно усмехнулся.

– Все. Рвем отсюда!

На улице они сразу же разошлись в разные стороны, будто и знакомы не были...

Видимо, телефон звонил очень долго, прежде чем вырвал Денисова из сладкого и душного утреннего сна. Разлепив глаза, он взглянул на часы – половина двенадцатого – и лишь после этого нехотя поднял трубку.

– Это ты? – спросила Лариса, как обычно не называя себя и не здороваясь.

Поэтому Денисов сразу ее узнал.

Со своей бывшей женой он не разговаривал года три. По сути, оба они испытали одинаковое облегчение, когда наконец разъехались. Кроме квартиры, делить им в жизни было нечего.

– Как живешь? – Поскольку эта фраза Ларисы должна была изображать некоторое внимание к Денисову, он сразу догадался, что его о чем-то станут просить.

– Нормально, – сказал Денисов. – Подожди минуту, я сейчас чайник выключу.

Он заскочил в ванную комнату и прополоскал рот, избавляясь от отвратительного металлического привкуса. Не стоило так много курить накануне.

– Я тебя слушаю, – сказал он спустя минуту.

– Нам надо поговорить, – объявила Лариса.

– Конечно, – немедленно согласился Денисов, хотя требовательность ее интонации его обеспокоила. – А о чем?

– Речь пойдет о твоём сыне.

– Что-нибудь случилось?

– Объясню при встрече. Кстати, я недалеко от тебя. Минут через пятнадцать буду на бульваре.

– Ты зайдешь?

– Это лишнее, – усмехнулась Лариса, давая понять, что любой коварный замысел Денисова она видит на десять шагов вперед.

– Хорошо, – с облегчением сказал Денисов. – На лавочке, напротив трамвайной остановки.

Денисов не был хорошим отцом и сознавал это, надо сказать, без особых угрызений совести. Но и плохим он тоже, в общем, не был. Правда, встречались они с сыном редко, однако Денисов оправдывал себя тем, что Лариса от их встреч была не в восторге, что могло отрицательно сказываться на самочувствии сына. Зато деньги он переводил вполне регулярно и звонил Пашке, как ему представлялось, частенько... Позавтракать он, конечно, не успевал. И побриться – тоже. Так и пошел на бульвар в истертых домашних джинсах и стоптанных кроссовках, чем доставил Ларисе повод для очередного маленького торжества. На его невзрачном фоне Лариса в облегающем шелковом темно-вишневом платье, с идеальной, отлакированной прической смотрелась исключительно выигранно. Каждому взглянувшему на эту пару сразу становилось ясно, кто есть кто.

– Ты прекрасно выглядишь, – честно сказал Денисов, а Лариса сделала вид, что ей это безразлично.

– Кажется, ты давно не видел Павла? – спросила она.

– Пожалуй, – смущенно подтвердил Денисов. – Но по телефону мы с ним на прошлой неделе...

– Он, кстати, уже девятый класс заканчивает.

– Я знаю, – нетвердо сказал Денисов, а сам подумал: надо же, уже девятый!

– У нас возникли некоторые проблемы, – Лариса достала из сумочки длинную сигарету. – У тебя нет спичек?

Денисов похлопал себя по карманам, протянул коробок. Спыхватившись, зажег спичку.

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Это... – Лариса долго выдохнула дым, – связано с некоторыми переменами в моей личной жизни.

– Я слышал, ты собираешься замуж, – сказал Денисов.

Ничего такого он не слышал – не от кого, просто решил ей немного помочь.

– Это тебя удивляет?

– Отчего же? Нет! – искренне сказал Денисов и не угадал.

Лариса ждала от него эмоций. Огорчения, например. Однако досады она внешне не показала, просто сделалась несколько суше.

– В общем, случилось так, что мне на несколько месяцев придется уехать за границу.

Взять Павла с собой я просто не могу. Видишь ли... помимо чисто объективных обстоятельств... Он многое воспринимает просто в штыки. Хотя ровным счетом никакого повода...

– С твоим приятелем он, значит, не поладил. Не в строку пришелся, – не удержался Денисов.

– Ты всегда был невыносимо вульгарен. – Лариса дернула плечом и уронила столбик пепла на тонкую ткань юбки. – Мой приятель, как ты выражаешься, очень чуткий, интеллигентный человек. С Павлом он всегда предельно деликатен. Вероятно, влияет переходный возраст, определенные черты характера...

Разумеется, она имела в виду черты характера, унаследованные Пашкой лично от Денисова.

Мимо их скамейки прошла старушка в черном костюме. Волосы ее были выкрашены в

молодой, ярко-рыжий цвет. Густым и звучным голосом она сказала: "А где моя Бабетта? Куда же она подевалась?" Бабетта – толстая одышливая сука неопределенно-приземистой породы никуда не делась и деться не могла. Она неотрывно семенила рядом со старушкой на коротком поводке. Услышав свое имя, подняла грустную морду, вздохнула и вновь опустила к самой земле. По меркам короткой собачьей жизни Бабетта была ровесницей своей хозяйке. Денисов глядел вслед удалявшейся паре, а Лариса тщательно стряхивала с подола пепел.

– За Павлом нужен надзор, – сказала она. – Было бы неплохо, если бы это время он пожил у тебя. Начинаются каникулы, а в лагерь он отказался ехать наотрез.

– Почему бы и нет, – рассеянно согласился Денисов. – Конечно, пусть поживет.

Не очень высокий, зато крепкий, совершенно мужского телосложения Пашка выглядел старше своих шестнадцати. Спортивные секции, в которые его пихали с пятилетнего возраста, свое дело сделали. Только лицо оставалось по-мальчишески нежным, со смешным пушком над верхней губой. На переезд к Денисову он согласился легко и даже с удовольствием. Только отчего-то сразу попросил: "Пап, можно я не буду на практику ходить?"

– Не ходи, – немедленно согласился Денисов, а сам подумал: что за практика такая? В тот вечер Денисов не пошел в Дом офицеров, хотя там должна была состояться неплохая игра. Он испытывал несколько странные ощущения, внезапно оказавшись в положении отца-одиночки. Ужин, гляди ты, пришлось готовить, и он взялся жарить картошку, чего не делал уже несколько лет. Но хлопоты эти Денисову неожиданно оказались не в тягость. Они сидели за столом и разговаривали о каких-то пустяках, и Денисову было хорошо оттого, что они с Пашкой не разучились друг друга понимать. Жаль, правда, что Денисов слабо разбирался в современной молодежной музыке, хотя на его японском двухкассетнике и была записана какая-то модная мура. Эту муру Пашка оценил высоко, что Денисову было весьма приятно. Потом они просто смотрели телевизор: показывали церемонию водружения очередного ордена на грудь престарелого вождя, и его неразборчивое бормотание нагоняло сладкую дремоту. Наутро, правда, домовитости Денисову не хватило. То есть он мог, разумеется, зажарить или сварить яйца, однако решил повести сына завтракать в ресторан, куда ходил все эти три года.

К величайшему сожалению, его привычный столик с утра обслуживал не Виктор, с которым у Денисова установились в некотором роде сердечные отношения, а его сменщик – Сергей, довольно заурядный хапуга, которому было совершенно плевать, с кем пришел Денисов – с сыном, подругой или римским папой. Сергею всегда было всего важнее, сколько ему от этого перепадет на лапу. Он вообще, по наблюдениям Денисова, своих клиентов узнавал только по чаевым. Денисов Сергея презирал, но в этот раз постарался, чтобы тот его не только узнал, но и запомнил.

– У тебя какие планы на сегодня? – спросил Денисов сына. Планов у Пашки не было, и Денисова это несколько смутило. Дело в том, что сейчас ему непременно надо было идти в Дом архитекторов. Он обещал, и его ждали, а брат Пашку с собой Денисов не хотел: игра предстояла серьезная, требующая предельного сосредоточения.

– Тогда вот что, – Денисов вытащил из кармана пятерку. – У меня сегодня неотложные дела, а ты пока можешь в кино сходить. Не возражаешь?

Пашка не возражал.

– Пап, а ты где работаешь? – внезапно спросил он.

– Я-то? Как тебе сказать... В общем, сейчас я занимаюсь как бы литературной работой, – осторожно произнес Денисов. – В двух словах не объяснишь. Знаешь, давай как-нибудь потом, если хочешь...

Но они уже стояли возле киноафиши, и Пашка мгновенно потерял к своему вопросу всякий интерес.

– Во! "Спартак"! Хороший фильм?

– Отличный, – одобрил Денисов. – Керк Дуглас, Тони Кертис и даже Лоуренс Оливье. Суперзвезды! Я этот фильм в твоём возрасте смотрел раза четыре.

– Так я пойду, – Пашка махнул Денисову рукой и бросился к остановке, чтобы поспеть на подошедший автобус.

Народу в бильярдной Дома архитекторов в этот час было немного, и почти всех Денисов хорошо знал. На одном из столов Ганс и Якубик – игроки довольно сильные, Денисов никогда не давал им более десяти очков форы – лениво гоняли шары. Сразу было видно, что игра у них идет несерьезная, по-маленькой, просто чтобы занять время. Они слишком хорошо знали сильные и слабые стороны друг друга. На другом столе играл Валентин с незнакомым Денисову высоким парнем в джинсах и легкой курточке. Валентин играет плохо, но в бильярдные ходит вовсе не для того, чтобы играть.

Парень с треском положил шар в угловую лузу и негромко произнес:

– Партия.

Валентин поставил кий в стойку и флегматично достал из нагрудного карманчика рубашки две полусотенные купюры.

– Ну, держи, Юрик.

Денисов понял, что незнакомый парень и был тем самым Юриком, который специально приехал откуда-то с Урала, чтобы сразиться со столичными асами. Он пожалел, что не пришел хотя бы десятью минутами раньше. Неплохо было бы присмотреться предварительно к игре этого Юрика.

– А вот и Седой, – увидел Денисова Валентин. – Тут пока тебя дожидались, я этому юноше три сотни просадил. Ты, пожалуйста, не опаздывай, дорогой, от твоих опозданий очень большие убытки.

Сочувствия к Валентину Денисов не испытал. Тому три сотни было – что Денисову трояк.

Парень со спокойным интересом смотрел на Денисова.

– Ты Седой? Третий день тебя ищу.

– Да я вроде не прятался, – пожал плечами Денисов. – Вообще, вежливые люди прежде всего здороваются, ну а потом, может быть, и переходят на "ты".

Намерением Денисова было сразу же слегка вывести парня из равновесия. Не зная силы противника, он не желал рисковать. Однако тот лишь усмехнулся.

– Здравствуй. Ты, говорят, тут первым номером выступаешь?

– Лучше бы ты конкретно сказал, чего хочешь, – Денисов продолжал следовать избранной тактике, тоном придавая словам довольно обидное звучание.

– Играть, – кратко сказал парень.

Ганс и Якубик одновременно положили кии и подошли поближе.

– Играть? Очень хорошо. Скажи, пожалуйста, собственно, кто ты такой? Почему желаешь играть именно со мной? И с какой стати я должен тратить на это время?

Парень и глазом не моргнул. Нервная система у него была в полном порядке.

– Если ты – первый номер, то не откажешься.

– Надеюсь, Юра, вы понимаете, – интеллигентно сказал Денисов, – я свое время ценю весьма дорого и на пустую не играю...

– Нет вопросов, – перебил парень, впервые проявив некоторые признаки нетерпения.

– Играем на интерес.

– И каков будет интерес?

Парень достал несколько купюр и помахал перед Денисовым.

– Я тут три сотни только что взял. Могу добавить две своих. Нормально?

– Тебе помочь, Георгий? – немедленно спросил Валентин, но Денисов отрицательно мотнул головой.

– Одна партия? Парень слегка удивился.

– Пять партий. Каждая в сотню. Но если ты хочешь...

– Нет-нет, – быстро сказал Денисов. – Только не пять партий, а три. Все вместе в пять сотен. А то у меня со временем не очень.

Парень кивнул не раздумывая. Эти пять сотен у него явно были не последними.

Играли в "семьдесят одно очко". Разбивать пирамиду выпало уральцу. Он ударил хлестко и расчетливо: биток откатился в самый угол, и Денисову бить оттуда было неудобно. Уже по этому первому удару было понятно, что парень – далеко не новичок. Пришлось играть без "выхода" – без акцентированного намерения положить шар. Денисов постарался лишь не сделать явной подставки.

Уралец немного подумал, а потом вполне грамотно положил "восьмерку" от борта в центральную лузу. Не оценить этого удара Денисов также не мог – "кладка" у Юрика была весьма уверенная. Собираясь закрепить успех, Юрик заказал "тринадцатого" от "четверки" в угол, но не докрутил биток, и "тринадцатый" с силой врезался в борт, а потом задел еще два шара, существенно изменив позицию на бильярде. Этим тут же воспользовался Денисов, положив подряд "туза" и "тройку". Юрик не смутился и, дождавшись своей очереди, красиво вогнал в угол "десятку", однако следующим ударом, прекрасно задуманным, распорядиться вновь не сумел – у него опять не получился верхний левый винт.

В принципе Денисову все было ясно. Первую партию он завершил довольно быстро – на столе, кроме битка, оставалось еще три шара. Огорчения Юрик не выразил, быстро составил пирамиду, и игра продолжалась.

Денисов ощущал подъем, играл раскованно, шары катились точно по намеченным траекториям. Вначале он намеревался поскорее закончить игру и отправиться домой, но постепенно его все более забирал холодный азарт профессионала, поэтому вторую партию он очень аккуратно, с разрывом всего в несколько очков проиграл. Зрители были этим несколько удивлены, и только Валентин, отлично понимавший тактику Денисова, холодно усмехнулся. Это Валентина устраивало, он тут же поставил на Денисова из расчета два к одному. Ставку принял Якубик и даже завсегдагай бильярдных Чива – лысый мужик лет шестидесяти с безволосым бабьим лицом. Хотя Чива был типом опустившимся, почти алкашом и вряд ли мог выставить больше червонца, Валентина это не смутило. Он не брезговал никакими ставками, а в данном случае ему был важен факт выигрыша, а не сумма. Если бы Денисов взял и вторую партию, Чива не пошел бы и на один к пяти.

Воспользовавшись тем, что Юра отлучился в клозет, Денисов подошел к Валентину.

– Валентин, что это за клиент?

– Не сомневайся. Седой, клиент упакованный, – заверил Валентин. – Играй спокойно.

– Откуда он взялся?

– Говорит, что с Урала – пусть будет с Урала. Не смущайся, это я его привел.

– Так это твой дружок? – удивился Денисов. – Зачем же я его раздеваю?

– Играй спокойно, – настойчиво повторил Валентин. – Разве я сказал "дружок"? Он попросил, и я его привел. Ты его деньги не считай, он за них не горбатился и сейчас за удовольствие платит. А я удовольствие бесплатно имею.

Юрик вернулся, и игра продолжалась. Теперь Денисову понадобилось все его искусство. Он набирал очки синхронно с противником, не отпуская его от себя, но и не опережая на много, постоянно маня надеждой. Из-за этого приходилось класть сложные шары, изображая при этом удивление успеху или сильную досаду запланированной неудаче. В общем, Денисов Юрика заманивал, и тот постепенно покупался на этот нехитрый спектакль.

Когда на столе кроме битка остались только "тройка" и "десятка", Юрик набрал шестьдесят четыре очка. Денисов приотстал чуть больше, чем намеревался, – у него было только пятьдесят четыре. Хочешь не хочешь, а заканчивать игру придется

последним шаром. И тут он ошибся. Может быть, впервые за всю сегодняшнюю игру. То ли глаз сморгнул, то ли рука дрогнула, но вместо полноценного удара по "тройке" вышла слабенькая мазка. "Тройка" поднялась к длинному борту, отразилась и встала точно против угловой лузы. Даже пятиклассник забил бы сейчас этот шар, а уж Юрий тем более. Ударил он без малейшего волнения, и "тройка" чисто скатилась в сетку. А позиция на бильярде сложилась отвратительная. "Десятка" стояла вплотную к губке угловой лузы, а биток откатился к противоположному короткому борту. Мало того, что из такого положения "десятка" просто не забивалась – дело было не в том.

Практически любой вариант удара Денисова мог так изменить расположение шаров, что Юрий однозначно получал крупный шанс на победу. В любой другой ситуации Денисов бы не стал рисковать, а просто отдал бы пять очков в виде штрафа, легонько коснувшись кием битка. Однако сейчас это означало проигрыш: Юрику тех самых пяти очков до семидесяти одного как раз и не хватало. Зрители молчали – кто нервно, кто злорадно, – в зависимости от сделанных ставок. Якубик что-то громко шептал Гансу, но смолк под угрюмым взглядом Валентина.

Денисов не спеша помазал мелом наклейку кия, потом стер ладонью и снова помазал. Теоретически он знал, что следует делать. Но удар требовался ювелирный. Даже у Денисова такие удары получались не всякий раз. Но сегодня у него все должно выходить, как ему хочется. Денисов еще раз прочертил взглядом предполагаемый путь битка и прицелился. В тишине бильярдной удар прозвучал звонко и отрывисто. Закрученный биток пролетел по сукну, глухо ткнулся в длинный борт, тут же легко коснулся "десятки", а затем, продолжая ломаную кривую, рикошетируя от бортов, вернулся почти в точку удара. "Десятка" же, приняв вращательное движение битка, плавно отошла от лузы и встала на короткий борт. Оба шара теперь стояли практически на одной прямой у противоположных концов бильярда. Денисов выдохнул и фальшиво сказал:

– Вот черт, не лезет в лузу. Не хочет!

Обычная холодноватая усмешка скривила губы Валентина, но Денисов понимал, что тот взволнован. Валентин наслаждался спектаклем, мастерски разыгранным на зеленом сукне. С нескрываемой, жадной завистью смотрели на Денисова Ганс и Якубик. Только Чива – прозевавший или просто не понявший смысла происшедшего, равнодушно хлопал красноватыми веками без ресниц. Но Денисову было плевать на Чиву. Лишь настоящие знатоки могли оценить красоту и тактический замысел этого удара. Теперь уже Юрий должен был сильно думать, и при всем желании Денисов не смог бы подсказать ему выход. Дальше все случилось, как и было должно. Нечеткий удар Юрика выкатил оба шара к центру, и Денисов завершил партию эффектным абриколем от борта в середину.

Юрик спокойно положил кий и достал из толстого бумажника деньги.

– Не повезло, – сказал он без сожаления. – Может, еще раз?

Денисов ждал этого предложения, поэтому нарочито вяло пожал плечами.

– Не знаю, что сказать. Вообще-то у меня сегодня есть кое-какие дела...

– Я удваиваю. На штуку пойдешь? – тон Юрика сделался почти категорическим, и Денисов понял, что как следует его зацепил.

Денисов улыбнулся и впервые с начала игры жестко взглянул в глаза партнеру.

– Отвечаю! – сказал Денисов.

Играть кончили лишь спустя час после официального закрытия бильярдной. В общей сложности Денисов вынул у Юрика почти три тысячи. Тот был заметно огорчен, но отнюдь не потерянной суммой, а проигранными партиями. Юрий тоже любил бильярд по-настоящему. Буфет, разумеется, уже не работал, но Денисов щедро оплатил буфетчице Алефтине сверхурочные и выставил пару коньяка. Юрий пить не стал. Едва пригубив стакан, поднялся.

– Надеюсь, мы еще сыграем? Я в столице буду через пару месяцев. Где тебя найти?
– У бильярда, сынок, – влез Чива, успевший высосать свою порцию и мгновенно захмелеть. – У бильярда его всегда и найдешь.
– Хорошо, – Юрик коротко наклонил голову, потом оглядел компанию и внятно сказал вроде бы только для Чивы, а на самом деле для всех:
– Я не сынок. Счастливо!

Чива сообразил, что лучше в данном случае не возражать. Он попытался исправить свою ошибку извиняющимся хихиканьем и первым полез было жать руку Юрику, но тот только брезгливо смерил его взглядом.

– Много их развелось, сопливых, – изображая из себя мудрого старика, прокомментировал Чива, когда убедился, что Юрик ушел насовсем. – Скажи, Седой: как сопливый, так сразу лезет в короли. Да, Валентин, скажи?

Но никто не собирался ему отвечать. Чива давно уже был на закате, хотя все еще не желал примириться с этим. Выпив, он жаждал общения, но понимал, что не прогоняют его лишь из жалости. В конце концов после одной-двух попыток влезть в разговор Чива затих и просто угодливо моргал глазками, сосредоточив внимание лишь на том, чтобы не оказаться обойденным, когда будут разливать выпивку.

Пашки дома не было. Это обеспокоило Денисова, но он все же решил ложиться: специально подждать сына у окошка ему казалось неприличным – большой ведь уже парень. Засыпать, конечно, он не собирался и ворочался в постели до часу ночи, пока наконец не услышал, как Пашка осторожно царапает ключом, отыскивая в лестничном полумраке замочную скважину. Денисов сделал вид, что спит, а сам наблюдал сквозь полуприкрытые веки, как Пашка, стараясь не шуметь, но все время наталкиваясь с непривычки на мебель, прокрался в кухню, грохнул там чайником, всполошено замер и, повозившись там еще немного, вернулся в комнату на свое кресло-кровать, заранее разложенное для него Денисовым.

Просыпался Денисов обычно поздно. Девять часов для него была рань несусветная, встать в такое время – подвиг невероятный. Однако, будучи теперь действующим отцом, он намеревался подвиг этот совершить и был немало удивлен тем, что, проснувшись, застал Пашку уже на ногах. Сын его был одет, умыт и даже успел вскипятить чайник.

– Ты чего так рано? – смущенно спросил Денисов.

– В спорт-школу надо сходить. Мы в августе на сборы поедem.

– А! – сказал Денисов. – В спорт-школу – это хорошо.

– А вчера чего так поздно пришел?

– Мы с ребятами на пруды купаться ездили.

– Понятно, – сказал Денисов, совершенно не понимая интереса к купанию с ребятами по ночам.

Ему хотелось порасспросить Пашку подробнее, но он чувствовал, что навязываться не стоит, и лишь поинтересовался:

– Ты когда придешь?

– Часа через два.

За эти два часа Денисов задумал самостоятельно приготовить домашний обед. Не обнаруженные прежде качества семьянина вдруг заговорили в нем во весь голос. В принципе, он все умел, хотя кухонными делами занимался крайне редко. Надо было купить чего-нибудь мясного, нажарить картошки с луком, крошить салат из свежих овощей, да побольше сока на стол – отличный обед получится. Но для этого надо было идти в магазин.

Выбрав самую вместительную сумку из имевшихся в доме, Денисов вышел во двор. Утро стояло ясное и теплое – в точности под настроение Денисова. И специально, чтобы настроение это испортить, навстречу шел участковый Гуськов.

– Денисов, ну-ка иди сюда! – строго сказал Гуськов, хотя Денисов шагал прямо на него и сворачивать никуда не собирался.

"С какой стати он мне "тыкает"?" – вяло возмутился про себя Денисов.

Гуськов работал здесь участковым всего год. Ходили слухи, что на эту должность его переместили с гораздо более престижной и вроде бы за чрезмерное пристрастие к спиртному. Впрочем, это могли быть только слухи. Пахло от Гуськова всегда очень крепко, но не алкоголем, а исключительно дешевым одеколоном. Лицо у него было широкое и красное, подстриженные под "польку" густые пепельные волосы тщательно зачесаны назад, и весь он – плотный, налитой – крепко и уверенно попирал коротковатыми ногами землю.

– Денисов, ты когда мне справку принесешь с работы? – требовательно спросил Гуськов.

– Я уже приносил. Три месяца назад, – промямлил Денисов.

– Так то – три месяца. А у меня сведения, что ты целыми днями в бильярдных ошиваешься. Почему ты сейчас не на работе? Мне на участке тунеядцы не нужны.

– Отгул у меня, – с отвращением сказал Денисов.

– Я проверю, какой у тебя отгул. Смотри, Денисов, доиграешься, – лениво цедил Гуськов.

"Сейчас дам ему червонец, и он заткнется, – подумал Денисов. – Или лучше – полсотни".

– Что значит "доиграешься"? – сказал он. – Бильярд никем не запрещен. Весьма достойные люди любили бильярд. Буденный, например. Или Ворошилов.

– Достойные? – Гуськов вытащил из кармана платок и начал усердно тереть им лицо. Так протирают лобовое стекло автомобиля. – Ты порядочных людей с тунеядцами не равняй. Значит, так: завтра ты мне приносишь справку с работы. В противном случае я тебе делаю официальное предупреждение. Под расписку. И будем решать. А как ты хотел?

– Я попрошу мне не "тыкать", – Денисов попытался стать оскорбительно вежливым. – Мне не нравится ваша манера разговаривать.

– Да я тебе в отцы гожусь, сынок, – тон у Гуськова действительно сделался отечески-укоризненным. И сразу получалось, что не из хамства природного Гуськов так говорил, а исключительно по причине человеколюбия. – Ради тебя же стараюсь. Ну в самом деле: молодой, здоровый – работать бы и работать. А он с утра до вечера шары катает. В общем, завтра, – Гуськов снова стал строг, – ко мне в опорный пункт со справкой.

В итоге настроение у Денисова было испорчено. Три месяца назад справку ему сделал приятель из любителей бильярда – директор учебно-производственного комбината. Все было по закону: Денисова оформили на работу, выдали справку, а через три дня уволили по собственному желанию. Давно бы надо было найти по примеру многих такое место, где можно было бы числиться, отдавая кому-то зарплату, да Денисову все не подворачивался подходящий случай. Впрочем, Денисов не слишком-то утруждал себя поисками. Совесть его была чиста, он не крал, не спекулировал. Он честно зарабатывал своим искусством на хлеб с маслом, а если кто считает, что это так просто, пусть сам попробует.

Денисов сделался профессиональным игроком в бильярд лет двадцать назад, когда ушел без сожаления с четвертого курса института, хладнокровно рассудив, что ни в одном КБ ему не станут платить в месяц столько, сколько он способен без всякого напряжения зарабатывать за неделю. Правда, официальным тунеядцем он стал не сразу, числясь несколько лет ассистентом оператора на киностудии. Эта непыльная работа оставляла достаточно времени для основного занятия, и на зарплату Денисову было вообще наплевать. Тем более что хватало ее только на сигареты.

Но иногда шевелился у него в душе некий червячок: кто ты, собственно, Денисов, есть

на этом свете? Кто тебя уважает, кто любит? Кто знает о твоих талантах и ценит их, кроме завсегдаев бильярдных?

Вначале ему удавалось легко прогонять подобные мысли. Знали его многие. Среди его знакомцев были крупные специалисты, известные литераторы и просто большие начальники. Даже один замминистра был, хотя и республиканского значения. Все они самозабвенно любили бильярд и даже оказывали Денисову – из уважения к его искусству – некоторые услуги, вроде путевки в престижный пансионат или авиабилетов в разгар курортного сезона. Не надо было тревожить их слишком часто. Однако, увлечение бильярдом отнюдь не мешало им, кроме того, ходить по улицам, не оглядываясь на участковых, расти в должностях и получать юбилейные награды. Денисов же во все времена оставался просто игроком, нелегалом-профессионалом полузапрещенной игры. Об этом неизбежно приходилось помнить, потому что тот червячок со временем рос, формируясь в изрядного гада.

Особенно противно было Денисову, еще до развода, ходить с Ларисой в гости к ее бывшим однокашникам. Любой стотридцатирублевый инженер, одетый в мятые штаны и стираную-перестиранную нейлоновую рубашку, мог поставить Денисова в тупик вопросом: а кем вы, собственно, работаете? Денисов в этих случаях что-то врал, а у Ларисы делалось такое лицо, будто она с Денисовым не знакома. Лариса всегда с презрением относилась к его занятию и с годами перестала это скрывать. Хотя деньги тратить ей нравилось. Миллионером Денисов, конечно, не был, но получал все же поболее своего дружка-замминистра.

Хочешь не хочешь, а с ощущением своей социальной неполноценности приходилось мириться. В конце концов деньги были, проблем, напротив, почти не было. Тем более, что после развода Лариса над ухом уже не зудела. Но вот теперь в его дом вошел почти взрослый сын, и все снова переменилось. И размахивая сейчас хозяйственной сумкой, Денисов с горечью думал о несправедливости мира, в котором ему, Денисову, не находилось места по достоинству.

Настроение его несколько улучшилось после посещения мясного магазина. Тут он взял некоторый реванш сразу и у судьбы, и у Гуськова. Дело в том, что Денисов окончательно решил готовить цыплят-табака, для чего, естественно, прежде всего требовался исходный продукт. На витрине же, естественно, кроме пары посиневших от времени курей, от которых давно отвернулся даже наш избалованный покупатель, ничего не было. Зато за прилавком стоял мясник Алик, и для Денисова все тут же нашлось. Гуськов в этой ситуации цыплят мог бы и не получить. Тем более так быстро. Денисов вернулся домой и принялся за стряпню. Случайно вспомнилось, что перед жаркой цыплят-табака полагается хорошенько отбить. Вспомнилось также, что в последний раз Денисов видел кулинарный молоток, кажется, в кладовке.

Тесная кладовка была завалена всяким хламом, которому, по чести, давно уже место было в мусорном ведре, да у Денисова все руки не доходили. Хлам этот – наследственный, не выброшенный прежде, да так и перевезенный по инерции на новую квартиру, тихо лежал здесь, никому не мешая. Денисов никак не мог взяться за решительную расчистку, оттого всякий раз, залезая в кладовку за чем-либо, ему приходилось последовательно перекидывать из угла в угол почти все содержимое. Вот и теперь молоток на глаза сразу не попался, а значит, лежал где-то в самом низу. Денисов переставил лыжи, откинул в сторону пару картонок и неожиданно наткнулся на спортивную сумку веселого голубого цвета. Такой у Денисова никогда не было, это он помнил точно. Заинтересованно вытащив сумку, он удивился ее тяжести и потянул язычок молнии.

Несколько мгновений Денисов растерянно смотрел на содержимое, а потом вынес сумку на кухню и не спеша выложил на стол три небольшие иконы, массивный серебряный складень, полиэтиленовый пакетик с кольцами, сережками и желтыми цепочками, крохотный портативный диктофон и три толстые пачки денег,

перехваченные медицинскими резинками. Во рту разлилась вселенская сушь. "Что же это такое? – подумал он с тоской. – О господи!" Денисов вдруг ощутил, что должен немедленно сесть: за несколько секунд невероятно устали ноги. Он рухнул на табуретку и уставился пустым взглядом на разложенные в аккуратный ряд предметы. У него не было иллюзий: вещи, конечно, краденые. Денисову казалось, что он имел достаточное представление о преступном мире. Мир этот всегда присутствовал рядом – играть в бильярд воры любили не меньше всех прочих, а Денисову было плевать, откуда берутся деньги у тех, кто желает их проиграть. Но почему это случилось именно с Пашкой? Как же так? Неужели он мог?... Нет, конечно же, нет. Он придет и все объяснит. Где же он шляется, черт возьми!

Денисов принялся собирать вещи и вдруг, повинувшись безотчетному порыву, подошел к окну. И немедленно отпрянул. Двое во дворе – один в милицейской форме, другой в штатском, с короткой уставной прической – смотрели на его окна. То есть Денисов не мог бы сказать с уверенностью, что именно на его, зато убежден был, что появились они здесь не случайно.

Он перебежал в комнату и выглянул в щель между шторами. Те двое уже заходили в подъезд. Обратившись в слух, Денисов ждал. Хлопнула дверь лифта, и все надолго смолкло, а потом дверной звонок по-дурному заголосил, требуя внимания. Милиция не дремлет, со злой растерянностью подумал Денисов. Быстро же они работают. Но еще не вечер. Все-таки сумку он обнаружил раньше их...

Он снова бросился в кухню, торопливо побросал барахло в сумку и слегка приоткрыл окно. Если будут ломать дверь, он вышвырнет во двор проклятую сумку. Пусть потом доказывают. Черта с два у них получится!

Однако до этого дело не дошло. Погремев еще немного, звонок утих, опять загудел лифт, а еще через минуту милиционеры вышли из подъезда.

У Денисова слегка отлегло от сердца. Теперь нужно как можно скорее унести вещи из квартиры. Второй раз его никто не застанет врасплох. Куда? В подвал? На чердак? Чуть собачья! Лучшее место – на вокзал, в автоматическую камеру хранения. Ищите потом, ищите. Просто так я сына вам не отдам...

Схватив сумку, Денисов бросился к двери. Остановился. Вернулся в кухню и запихнул сумку вместе со всем содержимым в большой и непрозрачный полиэтиленовый пакет. К остановке трамвая шел дворами. Яркий солнечный свет раздражал его невыносимо. Денисову хотелось сумрачного холодного ненастья, загоняющего всех под крыши. Но пока, к счастью, навстречу не попалось ни одного знакомого лица. Он вышел к хоккейной коробке – четырехугольнику утопанной до булыжной твердости земли, обнесенному дощатым заборчиком с проволочной сеткой по верху. Впритык к забору рос колючий кустарник, такой густой, что в него никогда не лезли даже мальчишки и алкоголики, прячущиеся от назойливых чужих глаз.

До трамвая оставалось два шага – обойти коробку и миновать помойку, но именно оттуда навстречу Денисову шел участковый Гуськов с двумя милиционерами. Сердце екнуло и остановилось. Подавив первый порыв броситься бежать, Денисов понял, что ни Гуськов, ни его спутники пока не видят Денисова сквозь два слоя частой проволочной сетки. Они беседовали о чем-то своем и глядели в основном под ноги, чтобы не споткнуться о куски ржавого железа, валявшиеся возле мусорных баков. Бежать было нельзя, бежать было глупо. Денисов быстро осмотрелся – никого и сунул пакет сквозь тесное сплетение ветвей вплотную к заборчику. Отступил на шаг – пакета не было видно. Денисов пошел прочь, все еще напряженно ожидая окрика. Он отходил от кустов все дальше, и напряжение сменялось досадой: чего он испугался? Что ему мог сделать Гуськов? Нет ведь таких законов, чтобы хватать и обыскивать людей на улице ни с того, ни с сего. Но все эти мысли без задержки скользили в мозгу, а ноги несли сами по себе. Денисов сейчас, может быть, впервые ощутил, насколько он боится милиции, Гуськова, от которого нет у него никакой защиты. И не было сил

преодолеть глупый темный страх, охвативший Денисова.

"Ничего, – успокаивал и оправдывал он себя, – пусть полежит до вечера, так даже лучше".

Он вернулся домой, разыскал кулинарный молоток и вновь занялся цыплятами.

Порезал, отбил, промыл, натер чесноком и полил уксусом. Нехитрая работа отвлекала от всяких мыслей, и это было хорошо.

Когда наконец вернулся Пашка, цыплята доходили на сковородке. Они сели обедать, и, к своему удивлению, Денисов обнаружил, что ему без особого труда удастся вести какой-то пустяковый разговор. Проклятая сумка была далеко, и вместе с ней опасность и беда словно ушли из дома. В какой-то момент Денисову даже показалось – насовсем.

Потом Пашка сам взялся мыть посуду, а Денисов с книгой в руках растянулся на диване, убеждая себя, что целиком поглощен чтением. Пашка гремел тарелками, а потом сквозь шум льющейся воды Денисов услышал, как скрипнула дверь кладовки. Ему не надо было видеть, что делает сейчас Пашка. Он все чувствовал и так. Вот Пашка передвинул коробки и замер в короткой растерянности. Вот начал перекладывать старую обувь, зацепил и поймал в последний момент заскользившую по стене связку лыж. Снова остановился, тихонько прикрыл дверь кладовки, завернул кран и вошел в комнату. Денисов увлеченно перелистнул сразу несколько страниц своей книжки. Пашка тихо сел в кресло, потянул со стола заграничный бильярдный журнал, раскрыл его наугад и тупо уставился в центр страницы. Тогда Денисов захлопнул книгу.

– Не нашел? – поинтересовался он.

– Ч-что? – Пашка вздрогнул и вскинулся.

– Сумку свою.

– Какую сумку?.. Где она?

– Откуда у тебя эти вещи?

– Это не мое... Пап, где она? – на побледневшего и съездившегося Пашку жалко было смотреть.

– Нет ее здесь.

– Отдай мне ее, – тоскливо стонал Пашка. – Я должен вернуть... Это не мое.

Денисов подошел к столу и положил руку на плечо сына.

– Что случилось, Паша, расскажи мне.

Пашка совсем плохо соображал со страха, он не слышал Денисова и тянул свое.

– Ну, пожалуйста, пап, отдай сумку...

Все это походило на тихую истерику, и Денисов постепенно сам начал пугаться. А Пашка вдруг вскочил и с силой отбросил руку Денисова.

– Отдай! – заорал он. – Где сумка?!

Он смотрел на отца с такой ненавистью, как смотрят только на злейшего врага, и, поняв это, Денисов содрогнулся.

– В милиции твоя сумка! – тоже заорал он, опасаясь сейчас более всего, что Пашка наговорит, натворит такого, чего исправить уже будет нельзя. – Я ее в милицию отнес! Пашка сразу обмяк, глаза у него сделались тусклыми, челюсть отвисла, как у старичка.

– Ка-а-к? За-а-чем? – сказал он совершенно неживым голосом и почти свалился обратно в кресло. – Знаешь, что теперь будет?

– Ничего не будет, – нарочито грубо возразил Денисов. – Успокойся и расскажи, в чем дело. И не выдумывай лишнего.

Пашка, обыкновенный перепуганный насмерть мальчишка, молчал страшно долго.

– Короче... убьют меня теперь за это... Ты не знаешь... От них не спрячешься.

Денисов слушал его сумбурный рассказ и постепенно осознавал, что его Пашка серьезно влип. Он оказался членом уличной шайки и несколько раз участвовал в делах, за которые по головке не гладят. На одном таком деле и взяли иконки с

деньгами и стекляшками. Пашка в тот раз сам не грабил. Он стоял на стреме, когда старшие чистили квартиру какого-то фарцовщика. Кстати, в присутствии самого хозяина. Они были убеждены, что фарцовщик в милицию жаловаться не станет, но на всякий случай велели Пашке подержать вещички у себя некоторое время...

– Ясно, – проговорил Денисов, когда Пашка замолк. – Ладно, все еще не так страшно. Насчет милиции я пошутил. Сейчас пойдём и принесем твою сумку. Но с одним условием, отдавать ее я буду сам. Договорились? И на этом мы со всеми подобными делами покончим. Навсегда.

– Они тебя и слушать не станут, – возразил Пашка, а в глазах и в голосе его так и полыхала надежда.

– Посмотрим, – сказал Денисов. – В общем, это мое дело. Разберемся. Одно я тебе обещаю твердо: больше ты их никогда не увидишь. Но и ты должен так же твердо обещать...

Не дослушав, Пашка отчаянно закивал головой, замычал даже в приступе чувств, а у Денисова от жалости на глазах выступила влага. Бедный Пашка!

Через десять минут они были во дворе, рядом с хоккейной коробкой. Вокруг по-прежнему было пусто и тихо. Даже пенсионеры никогда не сидели здесь на скамеечках. Двор этот, вероятно, казался им неудобным. Денисов подошел к тому месту, куда он засунул сумку, и, оглянувшись, полез в кустарник.

Сумки не было.

– Сейчас-сейчас, – пробормотал Денисов, ощупывая соседние кусты. Пашка нетерпеливо топтался на асфальте.

– Сейчас. – Денисов полз на четвереньках вдоль забора, словно еж в сухой листве. За ворот рубашки на вспотевшую шею ему сыпалась какая-то труха, битое стекло раскровенило ладонь.

– Чего хулиганите! – крикнул со стороны злобный голос. – Не садили, не растили, а ломать все мастера. Щас милицию вызову!

От неожиданности Пашка едва не подпрыгнул на месте. С тротуара на них с ненавистью смотрела крепкая усатая старуха.

– Никто ничего не ломает, – устало сказал Денисов, вылезая из кустов.

– Ломать-то каждый сумеет. Хулиганье! – не унималась старуха, готовая излить на них весь запас раздражения, накопленный за долгую жизнь. – И молодого тому же учит!

– Чего вы кричите? – обиженно сказал Пашка, но Денисов потянул его за собой.

– Пошли!

Старуха не переставая ругалась им вслед, и даже когда они свернули за угол, еще слышали некоторое время ее пронзительный голос. Шли молча, и только у самого подъезда Пашка потерянно спросил:

– Куда же она делась?

– Черт ее знает, – пожал Денисов плечами. – Сперли сумку. Нет ее.

– Что же теперь делать?

– Ничего, – ответил Денисов уверенным тоном, который, однако, совершенно не соответствовал его настроению. – Все будет нормально. Твои дружки знают, где ты сейчас живешь?

– Я никому не говорил. То есть сказал, что буду жить у отца, но адреса они не знают. Денисов подумал, что надо было бы предупредить Ларису, если она не уехала еще со своим приятелем, чтобы ненароком не проболталась. Поэтому он сразу потянулся к телефону, едва они вошли в квартиру, но аппарат ожил прежде, чем Денисов успел к нему прикоснуться. Они с Пашкой переглянулись, захваченные одной и той же внезапной мыслью, а потом Денисов снял трубку.

– Будьте любезны, Пашу позовите, пожалуйста. Вежливый юношеский баритон должен был вызывать безусловное доверие. Именно поэтому Денисов насторожился.

– Вы ошиблись. Здесь таких нет, – ответил он и ясно услышал, как собеседник ухмыльнулся.

– Передайте ему, что звонил Ярослав, – сказали на том конце телефонной линии и повесили трубку.

– Кто такой Ярослав? – спросил Денисов сразу побледневшего Пашку.

– Это Ярик... Значит, теперь они меня найдут... Ну, кто тебя просил брать сумку! Пашка вновь возвращался к исходной точке их разговора, и Денисов постарался этого не допустить.

– Все-все. Хватит. Мы это уже проехали. Пойми ты, чудак, нет никакой разницы... Представь себе, что мы просто вышвырнули эту дрянь с моста в реку. Нет ее и никогда больше не будет. Вот отсюда и следует исходить, а все прочее – абсолютная ерунда...

Он говорил долго, очень убедительно и совсем было успокоил сына, если бы не проклятый телефон, начинавший звонить аккуратно каждые пятнадцать минут. Денисов сначала просто переждал этот трезвон, не снимая трубки, а потом выдернул шнур из розетки.

Утром следующего дня все происшедшее воспринималось намного легче. Таково уж замечательное свойство каждого утра. Пашка выглядел куда бодрее и даже первым вызвался готовить завтрак. Умываясь, Денисов с удовольствием слушал, как Пашка ворочает в кухне кастрюльки, хлопает дверцами шкафов, но вдруг звуки эти разом смолкли, а когда Денисов завернул водопроводный кран, в квартире вообще наступила странная и тревожная тишина.

Денисов вышел на кухню. На столе была рассыпана мука, и руки у Пашки были в муке, и даже лоб измазан. А Пашка стоял у окна и смотрел во двор. Там на длинной скамейке в ленивых позах сидели три парня – Пашкины ровесники или слегка постарше.

– Вон они, меня ждут, – тоскливо сообщил сын. – Вон тот, слева, – Ярик. С ним Данила и Трактор.

– Трактор? Почему Трактор? – удивился Денисов. – Он картавит, – объяснил Пашка, – вот его и прозвали. Быстро они меня нашли. Мать, наверное, сказала.

Настроение у него совершенно упало. А Денисов, наоборот, едва не развеселился.

Вот, оказывается, кого так испугался его сын. Ярик, Трактор – чушь какая-то.

Обыкновенные сопляки. Денисов, конечно, представлял, что и такие сопляки в определенной ситуации могут оказаться опасными, но только не теперь. А сейчас он их просто задавит.

– Не волнуйся. Ты давай, завтраком займись. А я схожу с ними потолкую.

Все же он прихватил на всякий случай турник – массивную заднюю часть своего составного кия, сунул его в рукав рубашки – кто их знает, сопляков, как разговор сложится – а то еще полезут с дуру с ножами...

Он бодро вышел из подъезда и направился как бы мимо скамейки, но, поравнявшись, внезапно остановился.

– Чего ждете, ребята?

Денисов спросил напористо, нахально и пристально вглядываясь в лица юнцов, и те в первое мгновение растерялись.

С минуту они молчали, а потом Ярик осторожно сказал:

– Сидим просто.

Но уже через несколько секунд добавил, обретая вновь нагловатую уверенность.

– А в чем дело?

Им было лет по семнадцать-восемнадцать. Довольно крепкие, спортивного вида ребята. Если такие в темном подъезде навалятся втроем, отмахнуться будет непросто. Но что с некоторым удивлением отметил Денисов – опрятные и чистенькие,

аккуратно подстриженные и в меру модно одетые. Во времена юности Денисова шпана выглядела совершенно иначе.

– Вы ведь Павла ждете? – без предисловий начал Денисов. – Не ждите, ребята, не надо. Ничего хорошего не получится. И так уже дело дрянь, а может быть намного хуже.

– Пугаешь, папаша, – лениво сказал Ярик.

А дружки его молчали угрюмо и настороженно.

– Зачем? – удивился Денисов. – Я объясняю. Ты и сам сообразишь, что к чему. Ты же за сумочкой пришел, верно?

Денисов сразу решил разговаривать с одним Яриком, понимая, что он в этой тройке за главного.

Ярик не ответил. Не то чтобы смутился. Скорее, просто ждал, что скажет Денисов дальше.

– А пришел ты зря, – продолжал Денисов. – Сумка-то уже в милиции. Какая-то тень пробежала по лицу Ярика. Не страх, но определенно беспокойство. Он коротко переглянулся с дружками.

– Я сумку в милицию отнес, – Денисов внимательно следил за реакцией собеседников.

– Пока просто сказал, что нашел. На улице подобрал. Но это пока, понимаешь? А что завтра скажу – это видно будет.

– В каком смысле? – заинтересовался Ярик. Спеси у него заметно поубавилось.

– В самом прямом, – голос Денисова зазвучал теперь жестко. – Увижу, к примеру, еще хоть раз, что ты тут под окнами ошиваешься. Или дружки твои подойдут еще хоть раз к Пашке ближе, чем на километр – вот тогда я объясню, откуда взялась сумка. И тогда, дорогой, – тюрьма.

– И Пашке вашему тоже, – буркнул Ярик.

– Вот в этом я не уверен, – улыбнулся Денисов. – Пашка-то всего-навсего на стреме стоял. Да к тому же сдаваться пойдет сам. Неприятностей, конечно, не избежать – но что ж тут поделаешь! Неприятности – они разные бывают. У кого – мелкие, а у кого – и покрупнее. Вот ты, например, где тогда был?

– Я дома сидел, – сказал Ярик довольно нервно.

– Они разберутся. Им за это деньги платят. – Денисов взглянул на часы, заторопился.

– Так, ребята, мое время истекло. Дальше вы все сами додумаете. Но помни, что я сейчас сказал, Ярик, или как тебя там. Не дай бог мне тебя здесь еще увидеть.

– Не выступай особо, мужик, – огрызнулся Ярик, но Денисов видел: это он только чтобы не потерять уж совсем лица перед своими дружками.

На самом деле Ярик был изрядно смущен. Можно было бы, конечно, еще добавить, но Денисов решил не пережимать.

– Будь здоров, – сказал он и пошел домой.

Дверь квартиры Пашка распахнул, едва кабина лифта с Денисовым остановилась на площадке.

– Ну вот, а ты боялся, – весело сказал Денисов, предупреждая рвущиеся с губ сына вопросы. – Все в порядке. Я же говорил тебе, что все будет нормально.

– Что ты им сказал, пап? Ну, чего они?

– Просто объяснил, что, если к тебе кто-нибудь хотя бы подойдет, будет очень плохо. Мне кажется, они поняли меня правильно.

Если бы все неприятности в жизни разрешались так просто! Пусть эта маленькая психологическая победа была одержана всего лишь над сопляками, шпанятами, Денисов был очень доволен. Он вспоминал эпизоды происшедшего и сам себе нравился. И все же в глубине сознания гнездилась тревога. Интуиция игрока шептала ему, что в данной ситуации возможны продолжения. Но Денисов сегодня не хотел прислушиваться к своим сомнениям. Они с Пашкой провели отличный день – ходили в кино, катались на речном трамвайчике и просто гуляли по городу. Денисов все время

разговаривал с сыном, и тот слушал его с вниманием и интересом. Правда, однажды Пашка снова спросил, кем работает Денисов, и тогда ему пришлось плести что-то насчет киностудии, а потом довольно неуклюже переводить разговор на другую тему. В этот вечер Денисов вновь не пошел в бильярдную. Они поужинали остатками цыплят, после чего сыто и покойно смотрели в ожидании спортивных новостей и сводки погоды телефильм о военных подвигах дряхлого вождя.

Продолжение последовало уже назавтра. Денисов отправился после обеда в "академию" – бильярдную центрального парка, а Пашка остался дома. Не пойти Денисов не мог – он пропустил уже два дня, а его профессия расслаблений не допускала, требуя ежедневных тренировок. Серьезных соперников в бильярдной не было, и Денисов играл по-маленькой с кем придется. Он только что положил шара красивым карамбольным ударом, как кто-то бесцеремонно взял его за плечо.

– Эй, начальник, поговорить надо.

Денисов изумился: мешать игре – бестактность вопиющая. Он стряхнул чужую руку с плеча и повернулся. Перед ним стояла наглая, сытая рожа. Рядом еще одна. Парни лет двадцати пяти. В бильярдной они были чужими.

– Что вам угодно? – в минуты крайнего раздражения Денисов изъяснялся с несколько старомодной вежливостью.

– Дело к тебе есть. Пойдем, поговорим.

Денисов сокрушенно развел руками.

– К сожалению, не могу. Мне необходимо окончить партию. Вам придется подождать.

– Потом окончишь, – парни вели себя вызывающе: вежливость Денисова они приняли за испуг, что характерно для тупого быдла, каковыми они и являлись. Да к тому же прежде они никогда не бывали в бильярдных. Они не замечали, что к разговору все с большим интересом прислушиваются окружающие.

И партнер Денисова тоже подошел поближе. Здесь все его звали Квадрат. Это был здоровенный мужик лет пятидесяти с начинавшим выпирать брюшком. Он работал мастером на механическом заводе и уже много лет дважды в неделю аккуратно приходил поиграть в бильярд перед ночной сменой.

– Вон там посидите, ребята, погрейтесь на солнышке, показал Квадрат толстым пальцем на дверь. – А сейчас валите. Не видите: люди делом заняты.

Безусловно, Квадрат должен был производить внушительное впечатление, но парни его не послушались. То ли запасы наглости у них были чрезмерные, то ли просто понесло их и остановиться уже не могли, но советов они не воспринимали.

– Гуляй, папаша, – начал один, – а то схлопочешь...

Договорить ему Квадрат не дал. Он вообще не любил долгих разговоров, поэтому без лишних слов въехал парню огромным кулаком в ухо. Того унесло под стол, но парень был крепкий, из-под стола тут же вылез и принял боевую стойку, готовый схватиться с обидчиком. И приятель его тоже полуприсел, растопырив локти, однако драк в бильярдной не терпели. Парней немедленно схватило множество рук, их легко и небрежно проволокли по ступенькам и вышвырнули за дверь, крепко пнув каждого для скорости под зад.

Квадрат моментально забыл об инциденте.

– Твой удар, – нетерпеливо напомнил он Денисову.

Этот удар Денисов замазал, шара ему положить не удалось, и хотя партию он в конце концов выиграл, стоило ему это немалых усилий. Но не предстоящий разговор с Наглыми Рожками его беспокоил, а то, где сейчас Пашка.

Не выдержав беспокойства, позвонил между партиями домой.

– Как дела? – спросил у сына.

– Нормально, – в голосе Пашки Денисов услышал неуверенность.

– Тебе кто-нибудь звонил?

– Звонки были, я снимал трубку, но там никто не отзывался.
– Из дома не выходи, никому не открывай, – скомандовал Денисов. – Я скоро буду.
– У тебя что-нибудь случилось, пап? – в свою очередь заволновался Пашка.
– Все нормально. – Денисов положил трубку и побежал доигрывать.
За весь день выигрыш собрался небольшой – чуть больше полусотни. Основная игра должна была, как обычно, начаться вечером, но Денисов решил не задерживаться до темноты.
– Тебя проводить, Седой? – предложил Квадрат, но Денисов отрицательно покачал головой.
– Сам разберусь.
Развинтив кий, положил в тубус только тонкую часть. Турник, как и вчера, укрыл в рукаве.
Парни нетерпеливо курили на скамеечке. Увидев Денисова, вскочили. Заждались, значит, совсем. Денисов подошел уверенно и остановился, сохраняя стратегическую дистанцию, метрах в двух. Он видел, что парни разозлены, но и несколько растеряны и не намерены немедленно начинать драку. Они убедились, что Денисов – человек из системы. Система эта была им совершенно незнакома, и парни не желали больше совершать ошибок.
Инициативы Денисов решил не отдавать. Для начала он приятно улыбнулся.
– Вот теперь я готов вас выслушать. Так в чем дело?
– Короче, так, – мрачно сказал тот из двоих, на чьей морде отчетливо проступал отпечаток Квадратова кулака. – Или шмотки гони, или бабки.
– Я извиняюсь, мужики, – удивленно возразил Денисов, – разве ваши шестерки вам не сказали, где вещи?
– Про то, как ты им лапшу на уши вешал, они рассказали, – заверил второй парень. – Только нам эту туфту не гони, не нужно. Мы проверили. Не был ты в конторе. И шмотки туда не носил.
– Вы что, официальный запрос сделали? – попытался сыронизировать Денисов. Парни иронии не поняли.
– У нас там концы есть, понял?
Это прозвучало для Денисова неожиданно. Он хотя и не поверил, но как-то сбился.
– Значит, так, парни, – сказал он, собираясь с мыслями, – шмоток ваших нет. С этим придется смириться. За ошибки нужно платить. Разойдемся тихо. Допустим, я в конторе не был, но ведь это дело исправить нетрудно. Что касается вас, могу в качестве компенсации выдать по куску на брата. Но к Пашке чтобы больше никто из ваших никогда не подходил.
– Он нам по куску дает, – нехорошо ухмыльнулся второй парень. – Эти бумажки ты знаешь куда засунь?
Он сделал шаг вперед, и в ту же секунду из рукава Денисова выскользнула и удобно улеглась в ладонь его дубинка.
– Спокойно, молодой, не надо нервничать, – он обозначил турником легкое вращательное движение.
– Кончай, кончай, – остановил своего приятеля тот, что с побитой рожей. – Не время.
– Короче, слушай, шарогон, – обратился он к Денисову. – Своими двумя кусками можешь подтереться. С тебя двадцать пять кусков или вещи. И учти: сроку три дня, а на четвертый включается счетчик. Пять процентов в сутки – это как обычно. Они повернулись и пошли к выходу. А Денисов зашагал в противоположную сторону. Он решил выйти из парка через другие ворота. Так было ближе к дому – Денисов сейчас хотел поскорее увидеть сына.
Но Пашки дома не было.
В эту ночь сон так и не пришел к Денисову. Шаги во дворе, хлопок двери подъезда, гудение лифта – любой из редких ночных звуков заставлял Денисова вскакивать с

постели, вслушиваться, всматриваться через открытое окно в темноту. А когда эти звуки ночь полностью растворила в себе, он просто ходил кругами по комнате, снова смотрел в окно и курил без перерыва. Тяжелый, беспокойный полусон, похожий больше на оцепенение, схватил его, лишь когда совсем рассвело. Впрочем, Денисов так и не понял: спал он или просто грезил, что спит, беспрерывно продолжая диалоги с Пашкой, Яриком, Наглыми Рожками и самим собой.

Резкий телефонный звонок разом прервал все эти галлюцинации. Сердце мгновенно заколотилось с такой частотой, словно Денисов только что взбежал на десятый этаж. Он даже не сумел от волнения сразу ухватить телефонную трубку, а когда сорвал ее с рычага, то закричал, не дожидаясь вопроса:

– Павел! Это ты, Пашка?!

– Георгий Сергеевич, если не ошибаюсь, – спросил вежливый мужской голос.

– Да, – приходя в себя, Денисов провел ладонью по лицу, мокрому от пота. – Кто это?

– Это неважно. Зовите меня, допустим, Егор.

– Ага, – сказал Денисов, – я – Георгий, ты – Егор. Чего надо, Егор?

– Вы не очень-то вежливы, Георгий Сергеевич, – отметил голос.

– С какого хрена мне с тобой быть вежливым. Говори, что надо, и отваливай.

– Думаю, вы и сами уже догадались. Я только хотел напомнить, что до истечения контрольного срока у вас остается два дня с небольшим.

– Где мой сын? – сказал Денисов. – Я вас, гадов, всех разнесу. Это ты, что ли, Вартан?

– Я не Вартан, я – Егор, – поправил голос. – Давайте поговорим спокойно...

Но Денисов не в силах был сдерживаться.

– Слушай ты, Егор, или как тебя там, – яростно перебил он. – Вы все будете сидеть.

Это я вам гарантирую. Я сейчас, немедленно, иду в милицию. Если Павел через полчаса не будет дома...

– Кому он нужен, твой Павел, – тоже перебил голос, но сразу же сбавил тон. – Вы заблуждаетесь, Георгий Сергеевич. Я не занимаюсь похищением младенцев. Да и на младенца ваш сын совершенно не похож. Но об этом после... Собственно, что вы скажете в милиции, мне просто интересно? Что кто-то кого-то ограбил? Так ведь не было этого. Это же просто смешно. Вообще – не было. Но это только одна сторона. Кто, собственно, станет вас слушать, дорогой мой? Вас, тунеядца с двадцатилетним стажем.

– Не болтай, чего не знаешь, – грубо и бессмысленно сказал Денисов.

– Продолжаете хамить, – укоризненно констатировал голос. – А я слышал о вас как о человеке, претендующем на интеллигентность. Но вы ошибаетесь. Я о вас все знаю. Когда, кстати, вы в последний раз работали? Не числились, а именно работали? Вот видите, по действующим законам вы самый настоящий тунеядец. Законы могут не нравиться – вам, мне, но они существуют. И в вашем отделении о вас хорошо знают. Догадываетесь, почему за вас еще не взяли по-настоящему? Да у них просто руки не доходят. Но в принципе им можно помочь. Общественность разве будет терпеть, что милиция даром ест свой хлеб? Напишут ведь, Георгий Сергеевич. Да еще куда-нибудь повыше. И все, аут. Или вы немедленно грузчиком в магазин пойдете? Вряд ли. Значит – крупные неприятности.

Тут Денисов не выдержал и захохотал.

– Ты чем меня пугаешь? Ментами? Это ты, бандит!

– Ну, хватит, – голос приобрел раздраженные интонации. – Я, чудак, хотел с тобой похорошему. Вот что, Седой, ты не выеживайся. Я тебя как вошь придавить могу. А ты меня – нет. Ты кто? Директор магазина? Может, в крайнем случае, передовик производства, депутат райсовета? Ты – шарогон. Мне даже руки пачкать не надо, тебя любой мент из шкуры вытряхнет за пятерку. А теперь запомни, шарогон, я жду три дня. Потом счетчик поедет. И через двадцать дней тебе придется уже пятьдесят кусков готовить. Или тебя самого на куски разделают. Все понятно?

– Где мой сын, ты, гнус! Скотина! – Денисов затрясся от крика. – Если его через полчаса здесь не будет!..

– Теперь насчет твоего щенка, – абсолютно спокойно продолжал голос. – Я тебе уже сказал: никому он не нужен. Шляется, наверное, где-нибудь с девками. Думаешь, я его заманил? Ошибаешься, Седой. Он сам от тебя ушел. Он, чудак, верил от чего-то, что папа его – уважаемый человек и чуть ли – не главный режиссер на киностудии.

– Что ты ему наговорил?

– Да ничего. Седой, – удивился собеседник. – Просто объяснили, где ты себе авторитет делаешь. Где бабки себе на жизнь достаешь. Чтобы у него иллюзий не было. Иллюзии – они мешают. Ну а если он обиделся на тебя – то я тут ни при чем. Никогда нельзя своих детей обманывать, разве ты не знаешь? Так что сам себя вини.

– Слушай... – у Денисова сдавило горло, и голос подвел его, дрогнув, – ...пока я его не увижу, не получишь ни копейки.

– Ну, хорошо, я попробую его разыскать, – хмыкнул собеседник. – Может, ты думаешь, я его на ошейнике держу? У него, вероятно, свои дела. Единственное, что могу для тебя сделать, – попрошу передать, чтобы тебе позвонил. Если кто его увидит. Но дела это не меняет. Кстати, из чистого любопытства. Ты что, вещички уже толкнул, что ли?

– Пошел ты... гад! – крикнул Денисов, швыряя трубку.

Состояние Денисова не позволяло ему сидеть дома, дожидаясь исхода событий. Он принялся искать Пашку.

Начал со звонка Ларисе, хотя надежда на успех тут была слабая. Квартира, как и ожидалось, была давно пуста, Лариса где-то далеко устраивала свои личные дела. Тогда Денисов побежал в школу, где учился Пашка, вспомнив, что тот говорил о какой-то там практике. Но дверь школы была заперта, вероятно, до первого сентября, и тут Денисов сообразил, что надо бы поговорить с Пашкиным тренером. Спорт-школа – единственная в районе – была здесь же, неподалеку.

Тренер Пашки – невысокого роста человек с мощной фигурой борца – имел привычку часто морщить лоб, и тогда начинали двигаться его уши, изрядно деформированные в многочисленных схватках на ковре.

– Денисов? Паша? Вчера его не было. И сегодня... Я думал, что он захворал...

– А с кем он тут дружит? Может, кто-нибудь из ребят знает, где он?

Тренер собрал кожу на лбу в толстые складки и пошевелил ушами.

– Спросим сейчас. Ионов! Пойди-ка сюда!

Подошел Ионов, худой и грустный.

– Ты Денисова давно видел?

Ионов тоже сразу наморщился, неосознанно подражая своему тренеру.

– Да еще на прошлой неделе.

– А после не встречал? Вчера или сегодня? Где он может быть, ты не знаешь?

– Не-е, Сергей Иваныч, он вроде ничего не говорил.

– Ладно, иди работай, – отпустил его тренер. – В общем, если он тут появится, то домой придет обязательно. Это я точно могу обещать. У вас что-то случилось?

– Случилось, – сказал Денисов. – Толком не расскажешь.

– Понимаю, – тренер сочувственно подвигал ушами. – В этом возрасте все они бешеные. Но Павел ваш неплохой мальчишка, способный. Работает от души. Натура в человеке всегда видна в деле. Да вы не расстраивайтесь. Плохого с ним не случится. Побегаёт немного, остынет и появится.

– Да, да, – сказал Денисов. – Если он сюда придет, вы уж, пожалуйста...

– Это ясно, – тренер снова поморщил лоб. – Я и ребят предупрежу... Эй, Крапивин!

Глубже приседай, глубже. А хват выше к плечу делай. Я же тебе показывал!

– Я пойду, – вздохнул Денисов. – До свидания.

– До свидания. Вы не переживайте, все будет нормально... Вот сейчас правильно,

Крапивин. Умеешь, когда хочешь. Повтори еще пару раз, потом поменяйтесь...
Час или два Денисов без надежды бродил по дворам. Домой пришел усталый, вконец опустошенный. Завалился на диван, не снимая башмаков, но тут же был словно подброшен очередным телефонным звонком.

– Да! Да!

– Это я, – замкнутым голосом сказал Пашка.

– Паша! Ты где?

– Тут... у приятеля.

– Слушай, Павел, нам с тобой надо поговорить.

Пауза.

– Зачем? – спросил Пашка.

– Мне кажется, нужно кое-что выяснить. Расставить все на свои места.

– Какие места? – не понимал или притворялся Пашка.

– Ты приходи, и мы поговорим, – Денисов старался, чтобы голос его звучал спокойно и убедительно, только что-то не слишком хорошо получалось. – По телефону много не объяснишь.

– А чего объяснять-то, – грубо сказал Пашка. – Все и так понятно. Ты же мне все время врал. "На киностудии работаю". А ты сам такой же, как они. Все время врал. Не пойду я к тебе.

– Паша! Паша! Нам обязательно надо поговорить. Я тебе, все объясню, ты же просто ничего не понимаешь, – волнуясь, зачастил в трубку Денисов. – Приходи сейчас, немедленно, ты же не знаешь ничего!

– Не приду! – Пашка бросил трубку.

Денисов еще с минуту тупо слушал короткие гудки, ощущая, как накатывает отчаяние. Он не знал, что делать дальше. И снова звонок. Пашка?!

– Алло, Седой, – сказал знакомый уже вежливый голос. Впрочем, теперь уже совсем не вежливый. – Есть изменения. Должен тебя огорчить. При подсчете произошла ошибка. С тебя, оказывается, не двадцать пять кусков, а сорок. Ты меня слушаешь?

– Ты что, свихнулся? – от наглости собеседника Денисов даже растерялся. – Ты по какому курсу считаешь? Да там за все про все и на три куса не потянет.

– Это кому как, – возразил голос. – По-твоему – три, по-моему – сорок. Только мой счет вернее, как ты можешь и не догадаться. Спорить тут не приходится: я – хозяин, мне виднее.

– Хозяин! – иронически сказал Денисов, но собеседнику плевать было на его иронию.

– Впрочем, у тебя остается право выбора. Можешь отдать вещи. Тогда платить почти не надо. Разве что за моральный ущерб моим ребятам. Все по справедливости.

– Не получишь ни копейки, – объявил Денисов. – Еще один твой звонок, и я в контору пойду.

– Иди, – разрешил голос. – Своими руками своего сына к хозяину и оформишь, если считаешь, что в тайге климат ему на пользу. Кстати, чуть не забыл. Есть еще одно изменение – Пашку ты тоже пока не увидишь. Он в одном месте посидит. До тех пор, пока ты не рассчитаешься. Ему там будет хорошо. А будешь дергаться – ему отзовется. Напоминаю: на все дела тебе осталось два дня. Успевай. Все, будь здоров!

– Ах, ты!.. – заскрежетал Денисов в умолкшую трубку.

Ясно было, почему этот Егор так обнаглел. Они вытянули из Пашки, что сумка с вещами пропала. Денисов не знал, как теперь быть. К кому идти, что делать.

Он схватил записную книжку и принялся лихорадочно листать. Фамилии, имена, телефоны – все не то. Вот! Если уж этот не сумеет помочь...

Торопясь, накрутил номер. Гудок. Гудок. Слава богу, сняли наконец трубку.

– Виталий Иванович? Это я, Георгий. Что-то давно не виделись. Ты куда пропал?

– А, Георгий! Рад тебя слышать. Дела, старик. Но я не забываю. В субботу собираюсь в Дом архитектора. Ты будешь?

- Конечно.
- Вот и ладно. Там поболтаем. Извини, старик: у меня тут народ...
- Виталий, у меня к тебе дело. Очень важное. Я тебя редко о чем просил, ты знаешь, – заторопился Денисов.
- Ты попозже мне можешь перезвонить? У меня тут...
- Пять минут, Виталий, я в двух словах. Сын у меня пропал, понимаешь... Да не пропал. Дружки его где-то спрятали, шпана, бандюги. Что делать, Виталий, к кому идти? У тебя, я знаю, в эмвэдэ концы какие-то есть...
- Подожди, подожди. Я ничего не понял. Говорю тебе: попозже перезвони. Через полчаса. У меня тут люди...

Эти полчаса Денисов просидел у телефона, не сводя с него глаз. А когда позвонил снова, писклявый голосок секретарши сообщил, что Виталий Иванович уехал и сегодня уже не вернется.

Денисов – в который раз за день – швырнул трубку и сколько минут бессильно ругался грязными словами. Может быть, Виталий действительно уехал по делам, но Денисов сейчас никому не верил. Его заботы никому не нужны, и сам он никому не нужен со своими заботами. Не было больше никакого выхода. Вернее, оставался всего один, последний.

В дежурке отделения милиции было прохладно и неожиданно пусто. Лейтенант с красной повязкой на рукаве заполнял какой-то длиннющий бланк с множеством полочек-позиций.

Денисов сунул голову в окошко над барьером.

– К кому тут можно обратиться? Сын у меня пропал. Дежурный обрадовался поводу отложить хоть на время надоевшую бумажку.

– Большой сын-то?

– В общем, да... Шестнадцать лет уже. Но он не совсем пропал.

– Что значит "не совсем"? – удивился лейтенант. – Частично, что ли?

– Да нет же, – с досадой мотнул головой Денисов. – Я думаю, что его где-то специально задерживают против его воли. То есть я точно знаю, что это именно так. Тут у лейтенанта на столе затрещал один из четырех телефонов, на которые Денисов теперь не мог смотреть иначе, как с ненавистью. Лейтенант снял трубку, сказал: "Дежурный слушает", и действительно слушал очень долго. Так долго, что про Денисова забыл. А когда положил трубку и вспомнил, мысли его уже были занятым другим.

– Вы поднимитесь в двадцать третью комнату, – сказал дежурный, с отвращением придвигая к себе все тот же лист бумаги. – Там инспектора по розыску, они у вас заявление примут.

– А! Вот он где, – раздалось за спиной. – Сам пришел. Очень хорошо. А я за ним собирался сегодня наряд посылать.

Денисов недоуменно обернулся. Участковый Гуськов! Сняв фуражку, старательно тер платком красное лицо.

– Ну что, принес справку?

– Какую справку? – не сразу переключился Денисов. Нет еще, не принес. Завтра принесу...

– Не надо! – властно сказал Гуськов. – Хватит завтраками кормить. Тунейдцев на участке не потерплю. Народ позволит. Вас учить надо. Делаю тебе первое официальное предупреждение.

Он мгновенно вытащил из своей папки заготовленный бланк и положил перед Денисовым на барьер.

– Распишись!

– У меня сын пропал, – сказал Денисов.

– Еще бы! – кивнул Гуськов. – У такого отца это не удивительно. Странно, что он раньше не сбежал. Расписывай, Денисов. И запомни: после второго предупреждения материалы направляю в суд. Мы тебя быстро окоротим. Подписывай!

Денисов озадаченно смотрел то на бумажку, то на Гуськова, а потом вдруг взорвался.

– Не буду! – злобно заорал он.

– Ах, не будешь! – брови Гуськова поползли вверх, к козырьку фуражки. – Очень хорошо. Тогда мы по-другому разговаривать станем. Это знаешь, как называется? Злостное неповиновение сотруднику милиции при исполнении служебных обязанностей. Поляков, дай-ка мне ключ от камеры. Пусть-ка он до утра посидит, а завтра в нарсуд. Для начала оформим его суток на пятнадцать.

Денисов испугался. Он понимал, что Гуськов не имеет права этого делать, но никто во всем свете не смог бы сейчас Денисову помочь. Для всякого представителя власти, будь то судья, прокурор или кто другой, Денисов был тунеядцем, сволочью. Никто и слушать его не станет, закатают на пятнадцать суток... А Пашка? Что станет с ним за эти дни?

От унижения, бессилия и страха противно защемило сердце.

– Давай бумажку, я подпишу, – хрипло сказал он.

– А нам одолжений не надо, – куражился Гуськов.

– Я же сказал: подпишу... Давайте бумагу.

– То-то же! – Гуськов удовлетворенно помахал пальцем у Денисова перед носом. – Берись за ум, я тебя по-хорошему предупреждаю...

Денисов выскочил из отделения, обливаясь потом, долго разжигал в дрожащих пальцах сигарету. Сделав пару затяжек, смял и швырнул на тротуар.

– Очень красиво, – укоризненно заметила проходившая мимо дама, которой окурочек едва не попал на ногу. – И это называется культура!

– Иди ты!.. – гаркнул на нее Денисов, радуясь сомнительной возможности хоть немного отвести душу.

Дама вздрогнула и, презрительно поджав губы, проследовала своим путем. Но Денисов уже забыл о ней.

– Гады! – проталкивал он свистящие слова сквозь перехваченное горло. – Гады проклятые!

Нужно было обязательно успокоиться. Надо было взять себя в руки. Денисов умел это делать. Иначе он не стал бы никогда тем Седым, которого знали во всех бильярдных страны. Он снова закурил сигарету и вновь отбросил ее, едва затянувшись. Потом прыжком выскочил на мостовую, подзывая такси.

Ни в Доме офицеров, ни в "академии" Валентина не было. Денисов нашел его в Доме писателей. Но не в бильярдной, а в ресторане. Валентин сидел за столиком вместе с Поэтом, самозабвенно любившим бильярд и в принципе неплохо игравшим. Денисов подозревал, что если бы Поэт не тратил столь много времени на писание рифмованных строк, а всерьез занялся бы бильярдом, то вполне был бы способен войти в первый десяток игроков страны.

Поэт с Валентином вдвоем пили водку. Денисов не знал, сколько они приняли, но Поэт был уже изрядно на взводе, хотя Валентин, напротив, выглядел совершенно трезвым. Впрочем, начинать они могли и порознь.

– Гоша! – громко сказал Поэт, увидев Денисова. – Вот кого мне не хватало. Садись к нам, милый!

Обслуживающий персонал здесь хорошо знал Денисова. Тут же появился официант, который притащил третий стул и приборы.

– Мы с Валентином как раз беседовали о тебе, – порадовал Денисова Поэт.

– Вот как! – сдержанно удивился Денисов.

– Не конкретно о тебе, но о тебе – в принципе. Мы, Гоша, говорили о профессионалах.

Профессионалы – единственно, кто достоин уважения в этой стране, погибающей от непрофессионализма.

Последнее слово далось Поэту с некоторым напряжением.

– Ведь ты, Гоша, – не просто игрок. Ты – Седой. Супер, профессионал. И за это я тебя уважаю вне зависимости от количества выпитой водки. Я хотел сказать, что уважаю тебя независимо от факта употребления мной водки именно сегодня.

Поэт почувствовал, что несколько запутался, на короткое время задумался и быстро нашел выход из ситуации.

– Выпей с нами, – сказал он.

Снова появился официант и, наклонившись к Денисову спросил:

– Заказывать что-нибудь будете?

Денисов пожал плечами, потом махнул рукой.

– Давай еще бутылку и что-нибудь закусить. На твое усмотрение.

Обычно он никогда не пил в это время: но сегодня играть явно не придется.

– Все население мира, Гоша, делится на три категории, – поучал Поэт. – Я только что объяснял это Валентину, однако он со мной не желает соглашаться.

– Я согласен, – меланхолично махнул вилкой Валентину.

Он жевал антрекот и спорить не хотел.

– Наконец-то! – обрадовался Поэт, но тут же нахмурился. Ему хотелось продолжения полемики, и, к счастью Валентин это понял. Валентин проглотил антрекот и хлебнул минералки.

– Но я согласен отнюдь не во всем.

– Вот, пожалуйста, – азартно огорчился Поэт. – Тогда ты, Гоша, изложи свое мнение.

– Я пока не в курсе, о чем идет речь.

– А я тебе объясню, – Поэт положил вилку и сел поудобнее. – Весь бильярдный мир, как я уже сказал, делится на три категории: любителей, дураков и профессионалов.

Любители играют в свободное от своей основной деятельности время и исключительно ради отдыха, чтобы снять напряжение. Вот, например, Черчилль.

Отдыхал за игрой после ежедневной двенадцатичасовой напряженнейшей работы.

– Черчилль играл не на бильярде. Он играл в бридж, – поправил Валентин, – и, говорят, весьма профессионально.

– А я знаю, – возмутился Поэт. – Разве я сказал: на бильярде? Он действительно был классным бриджистом, но человек, который понимает толк в бридже, просто обязан любить бильярд. Но я отвлекся. Итак, вторая категория. Она самая большая. Это – дураки.

Поэт остановился, ожидая реакции, но ее пока не последовало. Валентин уже слышал все прежде, а Денисову сейчас было не до дискуссий.

– Да, дураки, – повторил Поэт. – Это наши собратья-обыватели, которые не сумели найти себя ни в чем. Или не пожелали. По глупости и природной лени. В жизни их ничто не состоялось. Они не стали ни докторами наук, ни партийными работниками.

Они, бедняги, даже не сумели никого полюбить. И поэтому, отсиживая часы на ненавистной службе, протирая на задницах штаны, они весь день мечтают лишь о звонке, который освободит их от присутственного места и позволит заняться любимым делом. То есть им так кажется, что любимым. А в сущности, они просто прячутся от жизни возле бильярдного или карточного стола, альбома с марками или какими-нибудь дурацкими этикетками. Но самое главное, что и этим заниматься они толком не умеют и никогда не научатся.

– Ну а третья категория? – спросил Денисов.

– Самая маленькая и – самая главная. Это – профессионалы. Ты, Гоша, единственный среди нас представитель этого племени. Я, кстати, не понимаю, почему ты не пьешь. Давай, Гоша, выпьем за профессионалов.

– Я с тобой с удовольствием выпью, – Денисов поднял рюмку. – Только объясни, пожалуйста, какое место ты отводишь профессионалам? Непосредственно перед дураками или сразу после них?

– Над, Гоша! Только над! – страстно воскликнул Поэт. – Профессионалы, если быть до конца точным, это даже не категория. Это привилегированный класс, который существует за счет дураков и отчасти любителей. Только первые отдают деньги в силу природной глупости, а вторые – совершенно осознанно. Из эстетического чувства. Полагаю, ты меня понимаешь?

– А меня к кому ты относишь? – внезапно спросил Валентин. Поэт посмотрел на него удивленно, а потом засмеялся и погрозил пальцем.

– Ты – ни то, ни другое, ни третье. Ты, Валентин, делец. Эстетические чувства тебе чужды. Впрочем, в своем роде ты тоже профессионал.

– Вот как, – Валентин явно обиделся. – Ну а сам ты кто такой? Поэт задумался и погрузнел.

– Кто? Скажу тебе честно: черт его знает. Я завидую Седому. Для него нет загадок в его ремесле, ибо он – профессионал. Он мастер и может все. А мое ремесло для меня сплошь в загадках. Почему у меня не получается гениально даже если очень хочется? Скажи, почему? Вот и я не знаю. Но при всем при том я живу именно за счет своего ремесла. Так что я не знаю, Валентин. И не понимаю, какого черта ты мне задаешь такие вопросы!

Он взволнованно плеснул из бутылки себе в рюмку, едва не промазав.

– Гоша, ты опять не пьешь? У тебя что, игра сегодня?

– Что-то вроде того... – Денисов внезапно понял, что испытывает сейчас отвращение к спиртному.

– В таком случае не настаиваю. – Поэт хлопнул рюмку и сосредоточился на закуске.

– Валентин, мне надо с тобой поговорить. Можно тебя на пару минут? – попросил Денисов.

Через прокуренный насквозь, вопящий буфетный зал они прошли в холл.

– У меня тут некоторые проблемы возникли, – сказа Денисов.

– Мой бумажник всегда к твоим услугам, – немедленно отреагировал Валентин.

– Дело не в этом... Хотя и это тоже, может быть. действительно понадобится, ты мне сможешь тысяч сорок одолжить?

Валентин вытащил сигарету и задумчиво помял в пальцах.

– Это немалые деньги.

– Ерунда, – нервно сказал Денисов. – Пару месяцев хороших гастролей по южному побережью. Ты же знаешь!

– Я знаю, – кивнул Валентин. – Так это все проблемы? Мне показалось, ты начал не с того.

– Верно. Деньги – в крайнем случае. Ты помнишь тех орлов, что вчера в "академию" приходили? Чьи они? Ты знаешь?

Лично я их не знаю, – от усиленного разминания сигареты в пальцах Валентина была уже не сигарета, а одна бумажка – весь табак высыпался. – Да и чего их знать. Это шестерки какие-то. Но в принципе выяснить можно. А в чем дело?

– Давай-ка присядем, – сказал Денисов.

Ему очень не хотелось рассказывать все именно Валентину, но Денисов надеялся на его помощь. Да и выговориться, в конце концов, требовалось непременно. Какая, в сущности, разница кому.

– Сына мне надо найти, – закончил Денисов свой рассказ. – Помоги мне, Валентин. Валентин методично разминал очередную сигарету. Он почему-то никак не мог избавиться от этой привычки, хотя все время, что знал его Денисов, курил исключительно американские, которым такая операция не только не помогала, но совсем даже наоборот.

– Хреновое дело, Седой.
– Это я и без тебя понимаю, – грубо перебил Денисов. – Помочь сможешь?
– Тут обещать трудно... Но я попробую. Можно кое-кого поспрашивать. Без гарантий, конечно, но все же... Я тебе завтра позвоню.
– Хорошо, – Денисов поднялся с мягкого дивана, на котором когда-то сживали многие литературные знаменитости. – Я буду ждать.

Тем же вечером Денисов сделал то, чего не позволял себе уже много лет. Вернувшись домой, он напился. Пренебрегая закуской, опрокидывал в себя рюмку за рюмкой и добился в какой-то момент иллюзии того, будто оглушенный алкоголем мозг освободился от тоски, терзавшей его все эти дни. Роняя стулья, Денисов ходил из комнаты в кухню и обратно, словно пытался отыскать нечто очень важное, потом долго щелкал выключателем телевизора и все удивлялся тому, что не загорается экран, пока не обнаружил выдернутую из розетки вилку. Но в этот момент ему было уже не до телевизора. Хватаясь за стенки, Денисов тащился в туалет, сдерживая изо всех сил мучительные позывы рвоты...

Кажется, перед тем как окончательно рухнуть на диван, он догадался выключить в квартире свет.

И вновь из состояния сна его вырвало ощущение давящей тревоги. Сердце быстро и гулко колотилось о ребра. Денисов вскочил и тут же со стоном согнулся из-за головокружения и резкой головной боли.

Было утро или уже день, а в дверь кто-то звонил длинно и настойчиво. Денисов потащился к двери и заглянул в глазок. На площадке нетерпеливо переминался незнакомый парень. Парень был оттуда, от тех, кто отнял у него сына, – так сразу решил Денисов и налил холодной злобой.

– Сейчас, – крикнул Денисов, – одну минуту! Метнулся в кладовку и вытащил из инструментального ящика первое, что попало под руку, – остро отточенную стамеску. Сунул ее сзади за ремень штанов.

– Очень хорошо, – бормотал он, – вот и отлично. Отступив на шаг, распахнул дверь.

– Вам кого?

– Вы Денисов?

Парень в квартиру заходить не торопился. Интересные него были волосы – совершенно белые, словно у альбиноса, и очень курчавые, уложенные в жесткую, короткую прическу. Ощущения опасности парень не вызывал, и Денисов немного расслабился.

– Ну, я, – сказал он.

Тогда парень полез в карман куртки и вытащил красное удостоверение.

– Я из милиции. Можно с вами поговорить?

– Как вежливо, надо же, – буркнул Денисов, но посторонился, впуская парня в квартиру.

Коротким взглядом парень окинул пустые бутылки, набитую окурками пепельницу и весь похмельный беспорядок дома, после чего без приглашения опустился в кресло. Денисов тоже плюхнулся было на диван, но принужден был немедленно вскочить: стамеска больно уперлась в поясницу.

– А, ч-черт! – он вытащил стамеску и швырнул в угол. Парень невозмутимо проследил за ее полетом.

– Ну, давайте, давайте, – раздраженно заговорил Денисов. – Начинайте. Вернее, продолжайте.

Гость молча изобразил удивление.

– Собственно, можете не беспокоиться. Только вчера подал заявление о приеме на работу. Завтра принесу справку.

– Да я не об этом, – остановил его парень. – Скажите Георгий Сергеевич, у вас ведь

сын пропал?

– Да, – выдохнул Денисов, впиваясь в гостя налитыми кровью глазами. – Вы что-нибудь знаете? Где он? Где Пашка?

– Кое-что, – сдержанно сказал парень. – В отделении я случайно услышал...

– Где он?

– Пока не знаю. Но надеюсь, что скоро...

Денисов встал и пошел в кухню. Открыв кран, напился жадными, длинными глотками.

– Так в чем же дело? – равнодушно спросил он, вернувшись в комнату. Он почувствовал, что толку от этой беседы не будет.

– Вы знаете, с кем ваш сын связался? С ним беда может случиться.

– Пугать меня не надо, я и сам догадываюсь. Лучше бы найти его помогли.

– Я как раз для того и пришел, – парень провел рукой по своим жестким волосам. – Вам без помощи не обойтись.

– Какая еще помощь? – презрительно сказал Денисов – Что вы мне голову морочите.

– Мальчишка ваш к Вартану попал.

– К Вартану, – повторил Денисов. – Кто такой Вартан?

– Преступник.

– Так посадите его. Чего же вы ждете? Может, по-вашему, я этим заниматься должен?

Утихшая было боль вновь залила мозг жгучей волной. Дергало виски, лоб и затылок.

От боли Денисова стало подташнивать.

– Давно бы посадил, если бы мог. Но это не так просто. Вартан сам на дело не ходит.

Для этого у него другие люди. Вот и ваш сын вполне может ему понадобиться.

– Тогда этих других посадите, – Денисов с трудом понимал, о чем говорит его собеседник: изнутри по черепу лупили острые молоточки.

– Тоже не просто. Они не всякого грабят. Предпочитают спекулянтов, валютчиков, торгашей потрусливее – словом, всяких подпольных дельцов. Тех, кто жаловаться в милицию не пойдет.

– И правильно сделает, – пробормотал Денисов, и непонятным осталось, к чему именно относится его одобрение. Собственно, Денисов и сам сейчас не ответил бы на этот вопрос.

– А вы бы пошли? – внезапно спросил милиционер.

– Я не спекулянт и не делец... Хотя что вам объяснять! Для вас я все равно тунеядец. Антисоциальный элемент. Нет, не пошел бы я к вам.

– Вот видите! А почему, собственно?

– Не доверяю я вашей конторе. Не люблю, – Денисов понимал, что таких слов гостю говорить не следует, но головная боль была так сильна, что просто глушила самоконтроль. – Вот сейчас, впервые в жизни, мне ваша помощь потребовалась. А где она, эта помощь?

– Ну хорошо, – спокойно сказал парень. – Оставим пока это. Хотя, согласитесь, причины для нелюбви могут быть и у другой стороны.

– Да бросьте вы! Какие еще причины? Я что – ворую? Спекулирую? Отнимаю у кого-то хлеб? Я – бильярдист, и, если вы хоть немного интересовались моей биографией, должны это знать. Это и есть моя работа, нравится вам это или не нравится. Или человек должен обязательно у станка вкалывать? А Третьяк и Харламов – они разве у станка? Чего же вы у них справок не требуете? Они, по-вашему, тоже тунеядцы?

– Законы не я устанавливал, – сказал парень несколько неуверенно.

– Какие еще законы, – отмахнулся Денисов. – Смех один. Какому-то кретину пришло в голову объявить бильярд чем-то вроде игры в очко, вот вы меня и трясете, как тузик шапку. Но это все пустые разговоры. Так чего вам от меня надо?

– От вас? – несколько мгновений парень смотрел на Денисова, словно размышляя о чем-то. – В одиночку вам своего сына у Вартана не отнять. И мне в одиночку с Вартаном тоже тяжело справиться.

– Почему в одиночку? – удивился Денисов. – Вас там вон сколько.

– Это все верно, – слегка поморщился парень, – много нас. Да вот толку от этого не всегда... В отличие от вас, Вартан законов не нарушает. Даже если и не очень их уважает. Да и друзья у него имеются... – парень ненадолго замялся, – ...всякие. В общем, надо бы, чтобы ваш сын со мной обязательно встретился. И поговорил. Ему кое-что известно... Только чтобы об этом поменьше народу знало, понимаете?

– Что такое? – насторожился Денисов. – Я вижу, вы не слишком доверяете своим коллегам. Это как же?

– Не в этом дело, вы не поняли, – неуверенно сказал парень, и тут Денисов, несмотря на свое похмелье, понял, что собеседник его совершенно не умеет врать. Парень снова потрогал волосы, и Денисов вдруг осознал, что уже минут десять пытается вспомнить, где он прежде видел эту короткую курчавую стрижку.

– Постойте, – сказал он. – Вы когда-нибудь раньше мне приходили?

– Нет, – удивился парень, подумал и поправился: Правда, в вашем доме был позавчера.

Он хмыкнул и качнул головой.

– Хотел с одним заявлением разобраться. Тут у вас на лестничной площадке семья одна есть скандальная. Друг на друга заявления строчат. Да не застал никого.

– И в мою квартиру звонили? – спросил Денисов.

– Наверное. Собственно, я и с соседями поговорить хотел. Вы, кстати, не в курсе? Я насчет их скандалов.

– Вот оно что! – на какое-то мгновение Денисов даже забыл о своей головной боли. – Скандалы, значит... Вот ведь как бывает. Вы не представляете, молодой человек, как портят жизнь эти скандалы.

Он попробовал рассмеяться, но утихшая было боль вновь полоснула бритвенной вспышкой.

Парень недоуменно смотрел на него.

– Не понимаю.

– Это я так просто... Нет, я не в курсе... кстати. Кстати! Я вам хочу сообщить, что Вартан там у вас имеет уши, – вернулся Денисов к оставленной теме скорее для того, чтобы поглядеть на реакцию гостя.

– А кому принадлежат эти уши, вам известно? – мгновенно отозвался тот.

– Нет.

– Тогда с чего вы взяли?

– У меня есть основания.

– Понятно, – сказал парень, – не хотите говорить.

– Я действительно не знаю, – Денисов сильно сжал голову руками, потом встал и подошел к окну: хотелось свежего воздуха.

– Зато вот что я знаю наверняка: я буду последний дурак, если в ваши дела стану путать родного сына. Разбирайтесь сами, вы за это деньги получаете. А я свои проблемы решу как-нибудь сам. Все, разговор окончен!

Прежде чем подняться, парень черкнул что-то в записной книжке, выдернул листок и положил на стол.

– Вот мой телефон. Всякое может случиться. Заперев за ним дверь, Денисов вернулся в комнату и взял листок. "Сметанников Олег Васильевич" – значилось в нем. И номер телефона. Денисов повертел листок и сунул на полку между книг.

"Не надо было так с ним разговаривать, – подумал он, – и чего это меня так понесло..."

Во всяком случае, определенную пользу из этого визита Денисов извлек. Когда позвонил Валентин и начал туманную, полную недомолвок речь о том, кто держит интерес в деле, Денисов его довольно бесцеремонно перебил.

– Это я уже знаю. Его зовут Вартан. Что это за человек?

Своего удивления осведомленностью Денисова Валентин не сумел скрыть даже по телефону и стал выражаться гораздо определеннее.

– Могу тебе сказать, Жора, что это очень солидный человек. Я с ним поговорить, конечно, могу, но вполне возможно, что он меня не послушает... Это я тебе откровенно. Он крутится с такими людьми, что нам с тобой там делать нечего.

– В каком смысле?

– Во всех смыслах, Жора. Сколько ты времени со своей женой квартиру разменивал? Даже с хорошей доплатой. А Вартан в городе появился и через пару месяцев ордер получил. А когда с женой развелся – еще один ордер, на квартиру для жены. Кто-то из местных властей попытался его пощупать, да быстро отступился: не дали. Сверху не дали...

– Чем же он заслужил такую любовь? Наверху-то? – насмешливо спросил Денисов. Он не верил Валентину, подозревая, что тот либо откровенно привирает, либо просто передает чьи-то сплетни для пущей значительности. Валентин почувствовал его недоверие и оскорбился.

– Напрасно ты так, Жора. Тут все просто и сложно одновременно. Дело в том, что Вартан – как бы коллекционер антиквариата и авторитет в этом деле имеет большой. Кроме того, есть у него своя клиентура, кому он оказывает разные услуги. Чьей-то супруге – погребец хлебниковской работы, чьей-то дочке – кулончик Фаберже. А жены и дочки – ты понял чьи?

Некоторое время Денисов молчал. Молчал и Валентин.

– Если он такой деловой, чего ему от мальчишки понадобилось? – спросил наконец Денисов.

Валентин тяжело вздохнул.

– Да не от мальчишки – от тебя. А вообще он на принцип пошел. Для таких людей принцип бывает поважнее всего прочего. Он ведь деньги от зарплаты до аванса не считает. Хочешь совет? Не вяжись ты с этим. Отдай ему, что должен.

– Я понял. Где его найти? Хотя бы это ты мне можешь сказать?

– Жора, это очень серьезный человек.

– Слушай, Валентин, – проговорил Денисов, едва сдерживаясь. – Я тебя просил мне помочь. Если не можешь или не хочешь – так и скажи. Обойдусь своими силами.

– Ну, хорошо, хорошо, – уступил Валентин. Портить отношения с Денисовым ему было невыгодно. – Я просто хотел предупредить, что тут надо с умом...

– Где его найти?

– Пельменную на Бороховской знаешь? Там и найдешь.

– Любитель пельменей? – усмехнулся Денисов. – Он что, там обедает?

– Крыша там у него, – досадуя на несообразительность Денисова, пояснил Валентин.

– Он там директором или заведующим числится. Но помни, я тебя предупредил!

Замысел Денисова нельзя было назвать хитроумным или расчетливым. Нет, Денисов собирался действовать намеренно прямолинейно и, главное, быстро. из-за паршивой сумки с краденым барахлом или из-за своих паршивых принципов Вартан взялся играть жизнью мальчишки. Ладно же! Пуст теперь Вартан почувствует, что есть пределы, которые переступать не следует никому. Пусть сам оценит серьезность намерений Денисова идти на все, а потом решит еще раз насчет своего принципа. Денисов не надеялся сильно напугать Вартана, но был убежден, что тот примет правильное решение, хорошенько взвесив все "за" и "против". Хотя б только на сегодняшний день. Конечно, нет сомнений, что потом Вартан непременно попытается взять реванш, но это все потом, а уже завтра Денисов с Пашкой будут далеко, туда руки у Вартана не дотянутся, а если и дотянутся, то их и обломать недолго. Потому к своему визиту Денисов готовился достаточно тщательно. На помойке возле хоккейной коробки подобрал арматурный прут длиной по локоть и обмотал его сверху

донизу резиновым бинтом, особо отделав ручку. На скорую руку нашёл на куртку внутри узкий карман из полоски материи, куда и засунул свое оружие.

Некоторое время после этого он тренировался перед зеркалом в выхватывании прута, отгоняя совершенно неуместные, но назойливые воспоминания из западных боевиков. В наружный карман куртки Денисов к тому же положил нож с выкидным лезвием, выигранный им у кого-то из парковской шпаны год назад в "американку". Ножик был паршивенький, самодельный, из мягкого железа и тупился даже на колбасе. Однако из рукоятки вылетал исправно со зловещим лязгом и соответствующее впечатление производил. Собственно, только поэтому Денисов тогда и согласился на него играть, поставив, со своей стороны, на кон ужасно много против такой дряни – кажется, четвертак.

Экипировавшись таким образом, он вышел на улицу. Такси, как назло, пролетали мимо, а частники наотрез отказывались ехать на Бороховскую – это им казалось слишком близко. Наконец на призыв Денисова к тротуару подрулил светлый "жигуленок". В салоне были двое. Пассажир, сидевший рядом с водителем, высунулся в окошко.

– Куда ехать?

– На Бороховскую.

Тот на секунду повернул голову к водителю, потом снова к Денисову.

– Садись! – и щелкнул замком, отпирая заднюю дверцу. Ехали молча. Водитель сосредоточенно вертел баранку, пассажир рядом с ним смотрел в лобовое стекло, а Денисову оставалось тарашиться в их аккуратно подстриженные затылки, вроде совсем одинаковые, если бы не круглая – с донышко от стакана – лысинка у водителя.

– Тебе куда? – снова спросил почему – то именно пассажир, когда машина выехала на Бороховскую. Головы он не поворачивал.

– Возле пельменной остановите, – попросил Денисов, протягивая над плечом водителя трояк.

Сразу за дверями пельменной вокруг стоек плотно стоял народ. Протискиваясь к неприметной дверце в дальнем углу маленького помещения, Денисов вдыхал довольно вкусные запахи, вспомнив, что со вчерашнего дня он так и не ел. За дверцей открылся коридор, короткий и узкий, из которого вели еще две двери: одна – битая и обшарпанная, а другая красиво обшитая дерматином. Стиснув челюсти, Денисов рванул дерматиновую дверь, как занозу.

В небольшом кабинете – узкий книжный шкаф, пара треугольных вымпелов на стене да письменный стол, за которым сидел чернявый мужчина, примерно одних с Денисовым лет. Мужчина был занят тем, что листал какой-то толстый и яркий заграничный журнал. Когда распахнулась дверь, он поднял голову и с гораздо меньшим интересом; посмотрел на Денисова.

– Вартан, – утвердительно сказал Денисов.

Хозяин кабинета ничего не ответил, только сузил и без того раскосые глаза.

– Вот что, Вартан, – со злобным торжеством заговорил Денисов, – я тебе сейчас объясню кое-что, и ты...

Позади раздался неясный шорох, Денисов хотел обернуться, но не успел. Его схватили за плечи и запястья, профессионально ударили под коленки, и Денисов оказался на полу в невыносимо унижительной позе. Грубая и сильная рука ощупала его карманы и вытащила нож.

– Вот!

Вартан с интересом осмотрел оружие, щелкнул лезвием, закрыл и снова щелкнул.

– Красиво, – похвалил он.

– Дешевка, – возразил один из тех, кто держал Денисова. – Самодел. Такие в зоне лепят на продажу. Он что, у хозяина побывал?

– Насколько я знаю, он еще не успел, – ответил Вартан. – Ну, Седой, что же ты хотел

мне сказать?

Денисов рванулся, но те, кто держал его, завели руки далеко за спину, заламывая в суставах. Денисову сделалось очень больно, и он не сумел сдержать короткого стога. – Не хочешь говорить? – удивился Вартан. – А я слышал, ты разговорчивый. Может, ты мне бабки принес? Нет? А зачем тогда пришел? Разбираться? Но я знал, что ты придешь разбираться. Видишь, что из этого получилось? Я тебя уже сейчас похоронить могу. Но пока не буду. Сейчас мне некогда разговаривать: ехать надо. А ребята – они с тобой поговорят, раз ты так хочешь. Ну а потом ты мне бабки принесешь. Только учти: я жду до послезавтра. Потом – сам знаешь, что будет. До свидания, дорогой.

Он неторопливо вышел из-за стола и надел пиджак, аккуратно висевший на плечиках у двери.

– Здесь не надо, – сказал он телохранителям. – Лучше там, во дворе. Денисова рывком подняли с пола и швырнули из кабинета в конец коридора, потом через обшарпанную дверь во двор с глухими кирпичными стенами, заставленный бачками с мусором и пустыми фанерными ящиками. Страшный удар в живот заставил Денисова согнуться. Тут же его ударил ногой в лицо. Он сумел немного смягчить удар, успев каким-то чудом подставить руку, но все-таки упал на асфальт, покрытый застывшими помоями. Теперь его били со всех сторон, Денисов извивался, закрываясь одной рукой, а второй лихорадочно выдергивал из куртки свою дубинку, так и не замеченную телохранителями Вартана. А когда у него наконец это получилось, не глядя, на удачу махнул дубинкой что было сил. Дубинка врезалась в живую плоть, град ударов стих, и Денисов вскочил на ноги, впервые взглянув в лица своих врагов.

Нет, не впервые. Это были те двое, что привезли его к пельменной, кто следил за ним с самого утра, а может, и раньше по приказу своего хозяина. А сейчас водитель "Жигулей" корчился со стогами, ухватившись обеими руками за колено, а второй пассажир, отшатнувшийся в короткой растерянности к стене, шарил у себя за пазухой, вытаскивая, по-видимому, какое-то оружие. Денисов не дал ему этого сделать. Он просто швырнул с трех шагов тяжелую дубинку ему в лицо. Тот не ожидал и не смог увернуться. Дубинка врезалась ему в лоб, пассажир икнул и грохнулся во весь рост оземь. Денисов вновь подхватил дубинку и повернулся ко второму врагу, но водитель "Жигулей" поспешно уползал в подворотню на четвереньках, волоча поврежденную ногу.

Они больше не интересовали Денисова. Ему нужен был только Вартан. Он вновь ворвался в коридорчик и распахнул дверь в кабинет. Пусто. Сжимая дубинку, Денисов выскочил в зал пельменной. Какая-то женщина, взвизгнув, отпрянула, едва не уронив поднос, и Денисов опомнился. Спрятал прут и, проталкиваясь сквозь толпу, выбрался на улицу. Напряжение спало, и он почувствовал, как саднит лицо. Потрогал и скривился от боли – кожа над правым глазом содрана, и бровь, наверное, рассечена – на пальцах кровь. Он закрыл рану платком и нагнул голову, но снующих мимо людей не интересовали его ссадины и синяки. Толпа одиночек, населяющих огромный город, брезгливо обтекала Денисова, такого же одиночку, одного из миллионов одинаково равнодушных друг к другу сограждан.

Итак, он проиграл первый же раунд, а значит, вообще все безнадежно проиграл. Вартан оказался не только сильнее – это и так было ясно с самого начала, – он опережал Денисова, не оставляя ему никаких шансов. Теперь Денисов ясно понимал, почему так случилось, и клял себя за то, что оказался настолько глуп. Его продал Валентин. Может быть, уже через минуту после вчерашнего разговора в ресторане. Иначе быть и не могло. И Валентин, и Вартан были не просто людьми одного круга. Они – из одной системы, они свои. Да и не стал бы Денисов обращаться к Валентину, если бы не рассчитывал именно на это. Не оценил он лишь того очевидного

обстоятельства, что ворон ворону, как правило, глаз не клюет. А кем был для Валентина Денисов? Призовым рысаком, ставка на которого гарантированно приносит навар? Платным актером? Крашеным цыганом ресторанных подмостков – червонец за песню для любого гостя?

Денисов сжал кулаки и бессильно скрипнул зубами. Ладно, Валентин, сочтемся, придет время...

Но именно сейчас без Валентина Денисову было не обойтись. Пашку надо было спасать, вытаскивать любой ценой и как можно скорее.

Он схватил телефонный аппарат и принялся накручивать диск, опасаясь лишь того, что Валентина вдруг не окажется дома.

Но Валентин был у себя. Видимо, Денисов застал его сразу после очень вкусного обеда: голос Валентина был сыт и мягок, как свежий плавленый сыр. Даже интонации участия и интереса удавались ему с большим трудом, когда он говорил, что рад слышать Денисова, и спрашивал, как у него дела.

– Я тебя очень прошу, Валентин, – запинаясь, начал Денисов, – скажи ему: я на все согласен. Только скорее, сейчас же.

– Кому? – не понял или притворился Валентин.

– Разыщи Вартана. Пусть отпустит Пашку. Завтра вечером деньги будут. Но Пашка должен быть дома.

– Разве его найдешь так сразу, – промямлил Валентин.

– Я знаю, ты можешь. Я тебя умоляю, Валентин!

– Ну, хорошо... я попытаюсь, – согласился Валентин, и Денисов понял, что был прав в своих догадках.

– И еще одна просьба, – продолжал Денисов гораздо спокойнее. – Мне нужны эти деньги.

Теперь Валентин обдумывал ответ намного дольше.

– Это большие деньги, Седой.

– Ты меня знаешь.

– Это будет очень сложно для меня.

– Короче, ты мне отказываешь?

– Я этого не сказал, – поспешно возразил Валентин. Но хочу, чтобы ты понял: я сам попаду в очень сложное положение.

– Ты хочешь проценты? Говори прямо. Твои условия?

И снова Валентин надолго замолчал, однако Денисов уже чувствовал, что пауза эта – лишь игра. Валентин отлично знал, чего хочет.

– Я бы попросил тебя вот о чем, – заговорил он, начав со вздоха. – Но ты должен понять мое положение.

– Хватит, Валентин, говори прямо, что тебе нужно. Валентин опять громко вздохнул в трубку, что должно было означать тяжкие колебания, а потом соизволил объясниться.

– Я хочу долю, Седой.

Нельзя сказать, что Денисов этого не ждал. Уже года два под разными предлогами Валентин навязывался ему в компаньоны.

– Сколько?

– Пятьдесят копеек.

Это означало, что теперь Денисов должен платить Валентину половину любого выигрыша. Это означало также, что до полной выплаты долга Денисов обязан играть там и тогда, где и когда захочет Валентин. Правда, со своей стороны, Валентин возмещал бы ему и половину проигрыша – участие в доле несло известный коммерческий риск. Но лишь теоретически. Валентин не допускал, чтобы в делах теория воплощалась в практику таким нежелательным образом.

– На какой срок доля?

– Пять лет. Я думаю, это справедливо.

– Ты с ума сошел, Валентин. Что же я пять лет буду на тебя ишачить?

Голос Валентина сделался холоден.

– Ведь ты сам мне позвонил, Седой, правда? Ты же сам ко мне обратился. Это ты задаешь вопрос о том, какие у меня условия. Так чего же тебе еще нужно?

– Ты прав, – хмуро сказал Денисов. – Я согласен. Но Пашка должен быть дома уже сегодня. А потом мы решим остальные вопросы.

– Ну и ладненько, я очень рад, – отвечал Валентин, и было ясно, что это действительно так. – Все будет нормально, Жора. Я тебе такие гастроли организую – будь здоров. У тебя еще будет возможность убедиться, как правильно ты поступил.

– Ладно, ладно, – пробормотал Денисов. – Учти: главное сейчас – это Пашка.

– Все будет как надо, – заверил Валентин. – Пока!

– Пока, – сказал Денисов. – Стой! Скажи, Валентин, а Ираклик и Воробей – они тоже на тебя работают?

– Некорректный вопрос, Жора, – сказал Валентин. – Я на такие вопросы не отвечаю. И положил трубку.

Ираклий и Воробей были блестящими игроками того же класса, что и Денисов. И хотя в их многолетнем споре за бильярдным столом Денисов брал верх несколько чаще, давалось ему это невероятным трудом и напряжением. Уважая друг друга, они никогда не конкурировали в бильярдных, но регулярно сходились в борьбе по "гамбургскому счету", бескомпромиссной и исполненной уважения к мастерству соперника. Это были своего рода неофициальные чемпионаты, на которые ежегодно съезжались лучшие игроки со всех концов страны, чемпионаты – увьи! – неизвестные никому, кроме узкого круга знатоков.

Ираклий – плотный, медлительный с виду и удивительно спокойный грузин – обладал совершенной техникой удара и в классических позициях не имел себе равных. Ему, пожалуй, чуть-чуть недоставало фантазии и склонности к риску. Зато Воробей в избытке владел этими качествами. Маленький, сухой и подвижный до суетливости, Воробей действительно был очень похож на птицу, от которой и получил в бильярдных свое прозвище. Воробей неизменно ставил в тупик и соперников, и зрителей непредсказуемыми, порой абсолютно сумасшедшими, но вдохновенными решениями игровых ситуаций. Да, Воробей был игроком интуиции и в минуты озарения играл виртуозно.

В последнее время Денисов встречал их не часто, а недавно узнал, что оба вовсе ударились в гастрольные поездки по городам и весям. Это было странно. Ни Ираклий, ни Воробей не отличались страстью к деньгам. Ираклий, кроме того, был домоседом и путешествий просто не любил. Воробей же – что весьма часто сопутствует таланту – был откровенно ленив. Только теперь Денисов понял причину. Валентин планомерно подгрел под себя бильярдный тотализатор. Именно на него теперь работали Ираклий и Воробей. Интересно, на чем он их купил? И за какую сумму? Ну а Денисову цена была назначена непомерно высокая. Нет, не за жалкие сорок тысяч Валентин приобрел его в личную собственность. Ценой Денисову был Пашка.

И сейчас Денисов вновь безостановочно кружил по квартире, не в силах заняться чем-нибудь или хотя бы просто присесть. Он ждал Пашку. И когда наконец вечером раздался слабенький, немощный звонок в дверь, Денисов бросился открывать, не спрашивая. Он услышал отцовским чувством, пробудившимся так поздно и так странно, кто там, за дверью.

– Пашенька, где ж ты был? – сказал Денисов.

Пашка ничего не ответил. Застонал только. Они его избили, его сына, его кровиночку. Рубаха у Пашки была в крови, кровь запеклась на губах и под носом, а глаза, зачерненные огромными синяками, совсем почти не глядели. Пашка едва держался на ногах – как только дошел! – и Денисов на руках внес его в комнату, уложил на диван.

– Что же это, Пашенька, как это так?! – в ужасе бормотал Денисов.

Он кинулся в ванную, намочил полотенце и принялся осторожно обтирать избитое лицо сына.

Пашка болезненно ойкнул и отвел его руку.

– Не надо, пап...

– Негодяи! – то ли простонал, то ли прорычал Денисов. – Убью! Всех убью! Кто же это сделал?

– Я их не знаю, – грустно сказал Пашка. – Никого не знаю... Не надо было все-таки ту сумку трогать, пап...

– Сумку! – Денисов заскрипел зубами. – Не-ет! Теперь они свое получают! Гады!

Пашка болезненно дернулся и приподнялся на локтях. Он смотрел на Денисова с отчаянной мольбой.

– Пап, я тебя прошу! Не надо, пап. Будет только хуже. Отдай им деньги, я тебя умоляю. Я не могу!.. Разве ты не видишь! Отдай им, и все кончится, ну, пожалуйста. Ну, папочка, они же нас убьют. Тебе жалко, да? Отдай, а потом я у мамы попрошу, она тебе вернет, честное слово...

– Что ты, что ты, Паша! – отшатнулся Денисов. – Не говори так! Я все им отдам, успокойся. Я все сделаю...

Невозможно было спокойно смотреть на Пашку, измученного болью и страхом, и ярость Денисова вновь сменилась безысходной тоской. Он говорил что-то успокаивающее, говорил непрерывно, и Пашка, не вникая в смысл его слов, просто прислушивался к интонациям и постепенно стихал. Напряжение понемногу оставляло его, наконец он вытянулся на диване в бессильной, но покойной позе.

– Уехать бы отсюда, – тихонько сказал Пашка.

– Верно! Мы обязательно уедем, – подхватил Денисов. – Пропади он пропадом, этот паршивый город. Поедем с тобой на юг, в Ялту. Там у меня друзья, отличные ребята, мы прекрасно устроимся. Знаешь, как хорошо в Ялте? Мы сами... никто нам с тобой не нужен...

Денисов ощущал огромную усталость. Он чувствовал, что нет больше сил в одиночку противостоять огромному равнодушному миру, ему, как в детстве, хотелось отвернуться и закрыть лицо руками.

– Теперь мы всегда будем вместе, Паша, – прошептал Денисов. – Порознь больше нельзя, только вместе...

Ночью Пашка часто стонал и просыпался от боли в избитом теле. Тогда Денисов, не смыкавший глаз, вставал, поил сына чаем и вновь принимался шептать какие-то слова, успокаивая его и усыпляя. А когда тусклое солнце наконец повисло над крышами, Денисов отыскал на книжной полке смятый листок с телефонным номером.

– Мне Сметанникова. Олег Васильевич? Это Денисов. Нам нужно срочно поговорить...

Сметанников морщил лоб и водил по губам карандашом, который вытаскивал из кармана, едва Пашка начал свой печальный рассказ. Он не собирался ничего записывать – просто у него была такая привычка. Слушал Сметанников очень внимательно, ни разу не перебив, и только покачивал согласно головой, когда сбивчивые Пашкины слова вызывали у него какие-то ассоциации.

– А кроме ограбления этого фарцовщика ты в чем-нибудь участвовал? – спросил Сметанников и поспешно добавил: – Ты говори, не бойся, это ж не в протокол. Просто понять надо. Пашка бросил затравленный взгляд на отца и обреченно кивнул.

– Спекулянтов еще... около комиссионки. Два раза...

– Вартан тут каким боком?

– Вартана и не было никогда. Я всего один раз его видел. Там, у комиссионки, Ярик всегда командовал.

– А вещи, деньги?

– Ярик забирал. Говорил, что все в общую кассу... А нам потом давал немного. По

двадцать пять рублей.

– Ярик – это Ларионов?

– Ну да.

– Понятно, – сказал Сметанников. – Перспектива ясная.

– Какая перспектива? – немедленно вмешался Денисов. – Что вы предполагаете делать? Только честно.

– Мне скрывать нечего, – Сметанников пожал широкими плечами. – Все равно без вас ничего не получится. Если заявления вашего сына у меня в кармане не будет, то вообще ничего может не быть.

– А если будет?

– Тогда придется внимательно проверить, – слово "придется" Сметанников произнес со злорадством, адресованным кому-то вовне. – Во-первых, Ярика этого выдернем, потрясем как следует – его будет чем прижать. Глядишь – и уши Вартана постепенно покажутся.

– Ничего у нас не получится, – безнадежно произнес Денисов. – Вартан уже закупил всех, кого можно. Пока, как вы говорите, его уши покажутся, вы сами без ушей можете оказаться. Сметанников сразу нахмурился, вспыхнул, но отвечал очень сдержанно.

– Всех купить у него просто денег не хватит.

– Значит, вам надо заявление, – Денисов невесело усмехнулся. – Пашка мой, значит, делает вам явку с повинной – я вас правильно понял? – и тогда у вас, может быть, что-нибудь получится. Ну, хорошо. А судить Пашку будут вместе с Вартаном и Яриком или же погода? А если у вас с Вартаном все же не получится, то Пашку от суда это не спасет. А охрану моему сыну вы гарантируете? А заодно и мне? Ведь Вартану к нам каких-нибудь урок прислать – проще простого.

– Под суд ваш сын не попадет, – буркнул Сметанников.

– Извините, Олег Васильевич, но я в свое время ради любопытства юриспруденцией интересовался основательно. Вон посмотрите – книг целая полка. И я все читал очень внимательно. Кое в чем и я разбираюсь. Вы ведь не следователь и не прокурор. Вы – инспектор. Не вам вести дело, и не вам решать.

– Я тоже кое в чем разбираюсь, – сказал Сметанников, – или вы другого мнения?

– Почему же, – немедленно ответил Денисов, – но ста процентов гарантии вы мне не дадите.

– А вам нужно именно сто?

– Именно. И никак не меньше. Сын это мой. Сметанников задумчиво постучал карандашом по сжатым губам.

– Нельзя эти дела на проценты мерить. Да и не в процентах вовсе суть.

– Приятно было поговорить, – вежливо произнес Денисов. – Очень признателен вам за визит.

– Зря вы так, – сказал Сметанников.

– Мне остается только извиниться за доставленное беспокойство, – Денисов натянул салонную улыбку и поклонился. – Я человек простой. Решил по глупости, что наша милиция нам поможет.

– Напрасно. – Сметанников спрятал карандаш, потрогал свои жесткие белые волосы и встал. – Лишнее это.

– Пап, не надо, – робко сказал Пашка.

– Не надо, так не надо, – охотно подхватил Денисов. – Если что – вы заходите, милости просим. План по тунеядцам, например, надо будет выполнить, так я всегда к вашим услугам...

Сметанников хотел что-то сказать, но передумал, махнул рукой и пошел к двери.

Денисов следовал за ним, пытаясь придумать напоследок что-нибудь особенно язвительное, но запал уже миновал, остались лишь горечь да усталость.

На пороге Сметанников остановился и без труда удержал дверь, которую Денисов

силился за ним захлопнуть.

– Вартана я ненавижу не меньше вашего. А может, и больше. Но пока все молчат, ему бояться нечего. Это вы понимаете?

– Понимаю, – устало проговорил Денисов. – Но жизнью сына играть не позволю.

Ладно, хватит. Я сам свою проблему решу.

– Примете его условия?

– Не ваше дело.

– Берегитесь! – сказал Сметанников. – Условия могли уже измениться. Но узнаете вы об этом в последний момент.

– О чем это вы? – недоверчиво скривился Денисов.

– Вартан очень мстителен. Обид не забывает и врагов своих наказывает жестоко. Может так случиться, что вы и денег лишитесь и... В общем, будьте осторожны. А лучше всего ставили бы меня в известность...

– Вы что, охрану ко мне приставите? – перебил Денисов. – Нет? Ну тогда до свидания. На диване сжался комочком Пашка, смотрел на отца своими подбитыми глазами, в которых совсем уже не оставалось надежды. Денисов открыл шкаф, достал новую голубую рубашку и с хрустом порвал целлофановую упаковку.

– Без меня дверей никому не открывай. Понял? Никому. И трубку не поднимай.

– Ты куда, пап?

Денисов сделал веселое лицо.

– Все будет нормально, Паша!

Деловые встречи Валентин всегда проводил в ресторане Дома архитектора. Туда и пришлось идти Денисову. Он торопился сам и торопил Валентина – сегодня Денисову предстояли еще две встречи. Следующая – в "академии". Впрочем, и Валентин не имел намерения затягивать решение вопроса, и уже через десяток минут Денисов катил на такси в сторону парка, придерживая на коленях чемоданчик–"дипломат" и футляр со своим лучшим кием.

К этому часу бильярдный зал был прокурен настолько, что свет от верхних ламп опускался на столы дымными конусами. Увидев Денисова еще на пороге, маркёр Корней двинулся было к нему, слегка припадая на ногу, покалеченную на фронте, но Денисов остановил его жестом и прошел к дальней стене, где на скамье рядом с огрызком бутерброда сидел совершенно пьяный Поэт.

Поэт долго и сурово смотрел на Денисова, пока не осознал в полной мере факт его присутствия.

– Ге-еоргий, – сказал он. – Са-адись. Мы с тобой сейчас сыграем.

– Не сейчас, – возразил Денисов, шаря взглядом по залу. – Ты чего так натрескался?

– А у меня праздник, – ясно выговорил Поэт оправдательную фразу. – Но-овый сборник запущен в печать.

И неожиданно добавил:

– С-суки!

– Почему? – машинально спросил Денисов, продолжая поиски того, ради которого сюда и пришел.

– Просто суки, – сказал Поэт вновь очень трезво. – Половину велели заменить. Или, – он шумно набрал воздух и рявкнул, – уб-брать!

– Заменял?

Поэт повернул к Денисову голову и сфокусировал взгляд на его лице.

– Ко-онечно. У меня стихов много. Не хотят. Черт с ними! Им "На смерть товарища" не надо. Ска-азали: нас непр-равильно поймут. А я вовсе не про Высоцкого. Оно у меня десять лет назад писано. Я ж его Саше Галичу посвятил. Н-но им не объяснить. Да и объяснять не-ельзя.

Он подобрал с огрызка бутерброда колбасу, задумчиво сунул в рот, потом выплюнул и подтвердил:

– Суки!

Денисов наконец увидел того, кто был ему нужен. За левым дальним столом. Тот тоже увидел Денисова и легонько отсалютовал ему кием. Денисов повел глазами: маркёр стоял рядом.

– Корней, кто там с Бурнашом играет?

Корней близоруко приложил ладонь козырьком ко лбу, всмотрелся и пренебрежительно махнул рукой.

– Так, никто.

– Возьми у него место, – Денисов достал из кармана свертку купюр и сунул Корнею, который немедленно захромал в противоположный конец зала.

– Выпьем, – неожиданно предложил Поэт.

В этот момент он держался за скамейку обеими руками и пристально смотрел прямо перед собой в пол. Денисов встал и пошел за Корнеем.

– Привет, – сказал Бурнаш. – Что играем?

– "Американку", – ответил Денисов. – Принес?

Бурнаш принялся собирать пирамиду. Он был маленького роста, и, чтобы дотянуться до шара, ему приходилось ложиться на бильярд толстым, мягким животом.

– Какую фору даешь? – спросил Бурнаш.

– Какую хочешь, – безразлично сказал Денисов.

– С тебя меньше чем четыре шара брать опасно. Согласен?

– Ты принес или нет?

Бурнаш сложил пирамиду и перешел к противоположному борту.

– Разбивай!

Денисов свинтил половинки своего кия и помелил наклейку.

– Какой твой интерес? – спросил он, прицеливаясь.

– Одна штука.

– Ответил.

Шары разлетелись с сухим треском. Легкость в руках Денисов ощущал необыкновенную. Он предельно ясно видел позицию, каждый шаг был на кончиках его пальцев. Следующий удар соперника был почти грамотным; но Бурнаш был лишь подмастерьем в этой игре. Недокрученный шар встал прямо напротив центральной лузы, и Денисову оставалось только выбрать, каким из трех возможных способов его положить.

Денисов холодно усмехнулся. Он словно и не замечал тот удобный, будто просящий удара шар. Сегодня была его игра, и он ударил от борта карамболом в угол. Не задев губок лузы, шар колыхнул сетку. Отступив на шаг в сторону, Денисов ударил еще раз, потом еще и еще. Бурнаш крикнул и покрутил головой. Пятый удар Денисов минуты две обдумывал. Возле центральной лузы сейчас вновь стоял шар, но сильно замазанный соседними. Достать его прямым ударом было невозможно. Нужно было бить от двух бортов с подкрутом – эффе, чтобы биток, сохраняя вращение, смог ласково задеть этот неудобный шар единственно возможным касанием.

За соседним столом прекратили игру и смотрели на Денисова. И маркёр Корней стоял рядом, и даже Поэт притащился и тарачился сейчас мутным взглядом на зеленое сукно бильярда.

Денисов ударил сильно и длинно. Пумм-пумм и короткое – чок! А в лузу шар упал неслышно.

– Виртуоз, – сказал пьяный Поэт. – Паганини кия. Кия Паганини.

– Ты ж у меня даже фору перебрал, – ощерил Бурнаш неровные зубы. – Так, глядишь, и всю партию возьмешь.

Следующий удар Денисов сделал не глядя и, не дожидаясь остановки шаров, пошел в сторону, прикуривая на ходу сигарету. Дальнейшая игра его не интересовала. Теперь он просто ходил вокруг стола, имитируя раздумья и толкая кием первые попавшиеся

шары.

С грехом пополам Бурнашу удалось закатить три шара, чем он был чрезвычайно доволен. Тогда и Денисов коротким щелчком отправил шар в лузу. Но все равно игра уже стала неинтересной, и зрители разошлись кто куда. Поэт тоже понял, что бильярд на сегодня кончился и Денисов играет свою собственную, никому не ведомую партию. – Я тебя жду, Георгий, – сообщил Поэт и побрел на скамейку.

От усердия Бурнаш высовывал язык и шевелил губами. Он очень старался. Этими стараниями, а еще более тем, что Денисов ему совершенно не мешал, Бурнаш положил еще четыре шара, доведя с учетом форы счет до "семь-два" в; свою пользу. Тогда Денисов, которому надоело это бестолковое топтание, решил немного поиграть и в два подхода сделал счет "шесть-семь". Однако теперь, когда на бильярде осталось всего лишь три шара, игра грозила затянуться надолго, чего Денисов допускать не желал. Тщательно намелив наклейку, он изготовился к удару, держа кий почти вертикально к поверхности стола и забавляясь недоумением Бурнаша. Таких ударов Бурнаш действительно никогда не видел. Не касаясь бортов, шар пошел не по прямой, а по дуге, тихонько подтолкнув другой вплотную к лузе. Бурнашу теперь оставалось только попасть.

Денисов развинтил кий, положил в футляр, и они вышли на улицу.

– Ну ты лихо играешь, – с искренним уважением сказал Бурнаш.

– У тебя тоже неплохо получается. – Денисов вытащил приготовленную пачку купюр. – Держи. Можешь не считать. Ровно штука. Твой законный выигрыш.

– Ага, – сказал Бурнаш, – дай-ка мне твой портфельчик на минутку.

Денисов протянул ему свой дипломат. Бурнаш раскрыл его, на секунду отвернулся, а потом защелкнул замки и протянул Денисову.

– Лихо у тебя получается. Мастер! – еще раз восхитился Бурнаш. – Ну, счастливо!

Помахивая потяжелевшим "дипломатом", Денисов зашагал в темноту парковых аллей.

Пашка лежал на диване, кажется, в той самой позе, в которой оставил его Денисов, и смотрел на телефонный аппарат, как на гадюку.

– Как дела? – спросил Денисов.

– Все время звонил, – пожаловался Пашка. – Помолчит немного и опять звонит.

– Это ничего, – равнодушно сказал Денисов. – Давай-ка я тебя лучше яичницей накормлю. Ты кушать хочешь?

– Не очень, – печально ответил Пашка, но, подумав, согласился: – Вообще-то хочу.

Денисов зажег газ и бросил на сковородку кусок масла. Желтоватый комочек быстро таял, растекаясь и пузырясь. Денисов протянул руку к дверце холодильника, и в этот момент телефон безжалостно тренькнул. Денисов влетел в комнату.

– Да!

– Я слышал, ты слегка поумнел, – сказала трубка. – Напоминаю: сегодня истекает срок. Истек уже.

– Вартан! – Денисов видел перед собой лишь округлившиеся в мгновенном ужасе глаза сына.

– Егор! – с коротким смешком поправила трубка.

– В общем, это... у меня все в порядке, – сказал Денисов, намеренно запинаясь. – Могу хоть сейчас.

– Конечно, сейчас. Завтра уже счетчик стучать будет. Зачем же тянуть? – голос в трубке наслаждался властью.

– Только... – Денисов снова запнулся, старательно изображая неуверенность и замешательство, – ...только тебе лично. Больше никого знать не хочу.

– Почему? – заинтересовался голос.

– Только тебе, – повторил Денисов теперь уже твердо – Чтобы ты завтра не сказал, что ничего не знаешь. У меня с тобой дела, а не с кем еще.

– Обижает, – усмехнулась трубка. – Людям доверять надо. Но не беспокойся. Свои долги я всегда получаю сам. У меня такое правило.

– Куда мне подъехать?

– Я сам подъеду. Я ведь знаю, где ты живешь. Я все о тебе знаю. Жди на улице около арки.

– Хорошо, – искренне сказал Денисов.

Около арки. Отлично!

Из кухни тянуло горелым маслом. Денисов выключил газ и взглянул на часы: половина двенадцатого.

– Попозже поужинаем, – сказал Денисов и вдруг впервые произнес вслух слово, которого прежде отчего-то всегда стеснялся: – сынок!

Пистолет, купленный у Бурнаша за тысячу рублей, он заткнул за ремень под курткой и несколько раз попробовал, ловко ли вытаскивать. К арке подошел не сразу, проверил вначале, нет ли поблизости кого из бандитов Вартана. Арка вела во двор без единого подъезда, за которым начинался пустырь. Днем тут еще пробегали изредка мальчишки, а в ночное время вообще никто не ходил.

Денисов вытащил сигарету и тут же выбросил, не прикурив. Его колотил озноб, он очень боялся дрожи в руках, которая могла все испортить.

В конце темной улицы зажглись фары. Автомобиль приближался так медленно, что Денисов в какой-то момент засомневался: уж не милицейский ли патруль. Но это была не милиция. Светлый "жигуленок" остановился прямо против арки. Мотор продолжал мягко урчать. Человек, сидевший рядом с водителем, опустил стекло и окликнул Денисова.

– Эй, Седой, иди сюда.

Денисов сделал несколько шагов и остановился.

– Ну, чего ты? – нетерпеливо сказали из "жигуленка". – Иди, не бойся.

– Я уже пришел, – ответил Денисов. – Кто кому больше нужен?

В "жигуленке" негромко рассмеялись.

– Я тебе больше нужен, – убежденно произнес Вартан. – Но я не гордый.

Он вылез из машины и не спеша пошел к Денисову. И одновременно шаги зазвучали у Денисова за спиной. Денисов оглянулся. Две тени, возникшие неведомо откуда, приближались к нему с двух сторон.

– Не бойся, – успокоил Вартан. – Это на всякий случай. Я человек предусмотрительный.

Телохранители его действительно остановились пока шагах в пяти, справа и слева. Денисов понимал: это только пока.

– Ну, давай, чего же ты, – сказал Вартан, а Денисов как не мог решиться. Ему вдруг показалось, что у него ничего не получится, что бандиты Вартана не дадут ему исполнить задуманное. Следовало прежде всего нейтрализовать их. Никогда бы он не смог объяснить, почему подумал именно так, но в мозгу уже прозвучал стартовый сигнал и время выбора кончилось.

Тогда он вырвал из-за пояса пистолет и, не целясь, бабахнул дважды – вправо и влево, а потом наставил дуло на Вартана. Денисов не знал: попал или нет. Он только слышал, как заорал один из бандитов, а другой, кажется, побежал с топотом прочь.

Вартан тоже вскрикнул высоким голосом и сделал то, чего Денисов просто не ожидал. Вартан не бросился к машине или на Денисова. Он скользнул правее него, мимо руки с пистолетом. В тот же момент "жигуленок" с ревом сорвался с места и помчался по улице. Денисов кинулся за Вартаном. Он не должен был его упустить. Шаги врага часто стучали во дворе. Денисов в два прыжка миновал арку, поймав взглядом свернувшую за угол тень. Там, за углом, начинался пустырь, и Денисов почувствовал, что Вартан от него не уйдет.

Но едва он забежал за угол, тень прыгнула ему навстречу. Это случилось настолько

внезапно, что Денисов не успел ничего осознать. Палец сам дернул спусковой крючок. Вспышка и грохот отбросили тень к стене, она что-то шептала, эта тень, но Денисов, оглушенный выстрелом, еще не слышал, а когда разобрал сдавленный шепот, замер в ужасе.

– Дурак, – шелестела тень, – какой дурак!

Денисов шатнулся на заголодевших ногах. У стены, держась двумя руками за живот, стоял Сметанников.

Пистолет выпал из ладони Денисова.

– Что! – заорал он. – Что! Что!

– Ушел он, – шептал Сметанников, – не вышло у тебя ничего.

– Как же, – лихорадочно бормотал Денисов. – Откуда?!

Мозг его пульсировал и словно раздувался, постепенно выталкивая глаза из орбит. Сметанников медленно-медленно сполз по стене наземь, потом, скобля каблуками асфальт, также медленно вытянул ноги.

Денисов наклонился к нему и, не закончив движения, дернулся.

– Я!.. "Скорую"!.. Сейчас!

– Стой, – сказал Сметанников, преодолевая боль – Подними пистолет.

Денисов послушно присел, зашарил руками по асфальту, нащупав, протянул оружие Сметанникову. – Вот он.

Тот с усилием мотнул головой.

– Платком... сотри отпечатки... Пальцы... Потом брось

Денисов неподвижно и тупо смотрел себе в руки. Тогда Сметанников, собрав силы, повысил голос.

– Сотри отпечатки, дурак! – он подавил стон и продолжал гораздо тише. – Стрелял не ты... Пусть это он стрелял...Тот...

Голова его бессильно упала на грудь.

Где-то наверху с треском распахнулось окно.

– Шпана проклятая! – завопил резкий бесполоый голос. – Покоя от вас нет, сволочи! Ночь уже!

Вздрагнув, Денисов поглядел вверх и в ту же секунду в лицо ему хлестнул холодный водяной ком. Денисов дернулся, отшатнулся. И Сметанникова вода ударила по ногам, но он не пошевелился, кукольно сохраняя позу.

– Гады! – жалко сказал Денисов во враждебное никуда. – Что ж вы делаете!

Всхлипнув, он утер рукавом лицо. Поглядел на Сметанникова и снова наверх – туда, где все еще светились редкие окна.

– "Скорую" надо, – сказал он. Потом крикнул громче: – Вызовите "Скорую"! Кто-нибудь!

Под аркой зарычал мотор, во двор лихо влетел милицейский "уазик", крутанулся по площадке и затормозил, точно нацелившись в Денисова светом фар.

В руках все мешался какой-то предмет. Денисов недоуменно взглянул, разжал пальцы, и пистолет с коротким лязгом вновь упал на асфальт.

Загородившись от яркого света, Денисов все продолжал монотонно твердить:

– Кто-нибудь! Люди! "Скорую помощь"!.. Помогите же! Люди вы или нет! Помогите, боже мой!

Боже, помоги нам всем!..